

Э 431

Г 33

179290

Проф. В. ХВОСТОВ

КАК РАЗВИВАЛСЯ ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

(Исторический очерк)

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1943

Это было в 1864 г. Пруссия напала на маленькую Данию, быстро её разгромила и отняла у неё две провинции—Шлезвиг и Голштинию. С тех пор все войны, которые на протяжении трёх четвертей века потрясали Европу, были вызваны немцами; исключение составляют только войны на Балканском полуострове и гражданская война в СССР. В 1866 г. Пруссия напала на Австрию. В 1870 г. она спровоцировала войну с Францией. Первую мировую войну готовили империалисты всех стран, но начала эту войну летом 1914 г. опять-таки Германия. В 1936 г. вместе с Италией она разожгла войну в Испании. В 1939 г. Германия напала на Польшу и развязала чудовищную войну в Европе, продолжающуюся по сей день. Эти кровавые предприятия правящих классов Германии стоили человечеству миллионов жизней. Материальные убытки, причинённые немцами только в войне 1914—1918 гг., были определены в 132 миллиарда марок золотом. Счёт по нынешней мировой войне ещё будет подведён.

На протяжении последних двух-трёх столетий не найти бедствий, равных тем, в которые ввергли человечество правители Германии. Из-за них ныне живущее поколение второй раз терпит ужасы мировой войны.

В чём причина этого явления? Почему именно Германия систематически нарушает мир? Почему её правящие классы причиняют величайшие бедствия всему человечеству?

I

ПРУССКИЕ ПРЕДКИ

Немецкие фашисты кичатся тем, что народам германского племени будто бы свойствен особый, высший государственный дух. В их писаниях можно даже прочесть, что и русское государство якобы было создано и поддерживалось германцами. Но всё это—пустой бред. На самом деле немцы и ~~не~~-то государство создали

значительно позже, чем другие крупные народы Европы, за исключением итальянцев.

Если русский народ уже в XV—XVI веках создал великое единое национальное государство, если во Франции и Англии это произошло ещё раньше, то на территории нынешней Германии только к XVIII веку появилось более или менее значительного размера немецкое государство—королевство Пруссия. Но оно занимало только малую часть территории, населённой немцами, остальная же была раздроблена на массу мелких феодальных государств—королевств, герцогств и княжеств. Многие из них были так малы, что с хорошей колокольни можно было обозреть все границы такого «государства».

С 40-х годов XIX века развитие германского капитализма пошло быстрыми и всё ускоряющимися темпами. Раздробленность страны на ряд мелких государств противоречила потребностям капиталистического развития, и в Германии начался бурный рост национально-объединительного движения. В 1848 г. в Германии произошла буржуазная революция, центральным вопросом которой явилось национальное объединение. Однако германский пролетариат был ещё малочислен и молод. Немецкая буржуазия, наблюдая рост рабочего движения в более старых капиталистических странах, боялась всякого углубления революции и склонялась к сделке с дворянством и монархией. Слабость рабочего класса и политическая трусость буржуазии привели к тому, что германская буржуазная революция потерпела поражение. Это оказало большое влияние на весь характер дальнейшего развития Германии. Дворянство и монархические правительства многочисленных немецких государств после революции 1848 г. в основном сохранили своё положение. Среди этих монархических правительств два наиболее сильных—австрийское и прусское—оспаривали друг у друга ведущую роль в общегерманских делах, и окончательное решение вопроса о том, Австрии или Пруссии быть во главе объединённой Германии, было найдено только на полях сражений.

Австрийская империя в сущности не являлась немецким государством. Большую часть её населения составляли славяне, мадьяры и румыны. Немцы являлись здесь меньшинством, и к тому же австрийские немцы, ныне насильственно присоединённые Гитлером к Германии, по своей культуре, укладу жизни, по всему своему национальному облику существенно отличаются от немцев из северной Германии.

Прусская монархия в течение XVII и XVIII веков из незначительного государства превратилась в сильную державу. Возвышение Пруссии происходило главным образом посредством насильственных захватов чужих земель. На эту цель были направлены все помыслы прусских королей и их министров с самых первых дней существова-

ния Пруссии. Без захватов не было бы Пруссии как одной из крупных держав, захваты были основной целью всей прусской политики. Любое вероломство считалось дозволенным для достижения этой цели. Любая политическая подлость оправдывалась тем, что она служит интересам прусского государства.

Понятно, что эта захватническая политика требовала особого внимания к армии. И действительно, военное дело поглощало все заботы прусского правительства. Пруссия вырастала как хищническая милитаристическая монархия. Прусское дворянство, так называемое юнкерство, сложилось в военно-помещичье сословие, члены которого считали военную службу основным своим занятием. Всё воспитание молодого дворянина было направлено на то, чтобы сделать из него офицера. Вся прусская государственная машина была построена в расчёте на обслуживание войны. В XVIII веке около 90% своего государственного бюджета Пруссия расходовала на военные нужды. Недаром в то время говорили, что война—это прусское «национальное ремесло».

Прусское военное государство и прусское юнкерство выработали свою идеологию. Она не сложна и укладывается в несколько основных положений: сила стоит выше права; в политике допустима любая гнусность, раз её можно использовать в интересах прусского государства; личность человеческая сама по себе ровно ничего не стоит и ценится лишь постольку, поскольку она нужна хозяевам этого государства—монархии и юнкерству. Эта простая «идея» облекалась подчас в философские формулы о подчинении интересов личности интересам государства, «частного»—«целому» и т. д. и т. п. Суть дела от этого не меняется. Послушание и дисциплина—лучшие качества подданного. Знаменитое «не рассуждать» («nicht resopieren») Фридриха-Вильгельма I осталось той основой, в духе которой прусская монархия в течение веков воспитывала многие поколения немцев.

Прусский юнкер был проникнут сознанием, что он, дворянин и офицер, есть представитель высшей породы людей. И если он держит себя заносчиво, грубо и надменно, то именно так и следует поступать, чтобы не ронять своего «достоинства».

Поучительно сравнить возвышение Пруссии с возвышением Москвы. Великое княжество Московское возглавило борьбу русского народа против внешних завоевателей—против татар, литовцев и поляков. Князь Димитрий Донской, Иван III или царь Иван Грозный тоже, конечно, преследовали династические цели, но их цели совпадали с национальными интересами. Пруссия же ни от кого не защищала Германию. Пруссаки умножали свои владения, завоёвывая своих же единоплеменников немцев, не останавливаясь при этом перед дележом германских земель с иностранными державами. Прусская монархия при объединении Германии преследовала

только захватнические цели. В её политике не было ничего общенационального. Прусское государство выросло как династическо-дворянское, как антинародное государство. Отсюда его глубокая реакционность.

Но в прусской государственной системе были и сильные стороны, обеспечивавшие ей успех. Всю её пронизывал дух воинской дисциплины и порядка. Армия Пруссии стояла на значительной высоте и представляла внушительную силу. Офицерские кадры хорошо знали военное дело. Все ресурсы сравнительно небольшой страны, как нигде, были приспособлены к быстрой их мобилизации.

К концу XVIII века Пруссия переживала полосу упадка: дисциплина выродилась в муштровку, воинское умение—в рутину. Не вдаваясь в анализ довольно сложных причин, которые породили эти явления, следует сказать, что результатом их были сокрушительные поражения, которые нанёс Пруссии Наполеон I. Битва при Иене стала синонимом полного и бесславного разгрома немцев. В истории человечества мало кого так бивали, как Наполеон пруссаков в этом сражении.

Однако из опыта Иены Пруссия извлекла некоторые уроки. Последовала частичная отмена крепостничества,—немалые пережитки его, впрочем, сохранились до сегодняшнего дня. Были проведены и другие реформы, среди которых большое значение имела реорганизация вооружённых сил. В Пруссии была введена система всеобщей воинской повинности. Всё это привело к постепенному возрождению прусской военной мощи. К моменту решающей схватки Пруссии с Австрией за первенство в Германии прусская армия была уже снова на значительной высоте.

В 1862 г. во главе прусского правительства встал Бисмарк. Это был юнкер до мозга костей. Он ненавидел рабочих. Буржуазию он презирал. Но Бисмарк понял, что если прусская монархия не сумеет объединить Германию вокруг себя, то рано или поздно Германия объединится вопреки Пруссии. Поставить Пруссию и её короля во главе общегерманской империи стало целью всей политической деятельности князя Бисмарка. И он преследовал эту цель с кипучей энергией, проявляя поистине железную волю, а вместе с тем—редкостную неразборчивость в средствах. В этом, как и во всём вообще, он был настоящим пруссаком. Он часто повторял, что «сила стоит выше права», и это его изречение выражает, можно сказать, всю сущность политических принципов прусской монархии. Бисмарк считал допустимым в политике любое насилие. И если политический деятель чувствовал себя связанным какими-то моральными рамками, то это признавалось свидетельством его политической незрелости.

Бисмарку случалось, не терзая себя сомнениями, подписывать один за другим два секретных договора, соблюдение одного из

которых совершенно исключало честное соблюдение второго. Так, в 1883 г. он присоединился к австро-румынскому союзу, обещая Румынии военную помощь Германии в случае войны между Румынией и Россией. А в 1887 г. он подписал договор с Россией, согласно которому гарантировал России нейтралитет Германии (да ещё притом «благожелательный») в любой войне, за исключением нападения России на Австрию. Когда в конце 1887 г. в связи с некоторыми обстоятельствами текущей политики Бисмарку напомнили об обязательствах по союзному договору с Румынией, то он дал понять своим доверенным людям, что договор с Румынией он подписал, чтобы удержать её в своей политической группировке, но войск для её защиты Германия, пожалуй, и не найдёт! В 1888 г. Бисмарк возобновил союз с Румынией, но это не помешало ему через два года выразить согласие и на возобновление договора о нейтралитете с Россией, причём только отставка не позволила ему осуществить это решение. Таких дипломатических фокусов в политической практике Бисмарка насчитывается превеликое множество.

Бисмарк считал, что объединение Германии вокруг Пруссии следует начинать с устранения австрийского соперника, и в 1866 г. он спровоцировал войну с Австрией. На стороне Пруссии воевала Италия, на стороне Австрии—ряд мелких немецких государств, которым победа Пруссии грозила потерей самостоятельности. 16 июня началась австро-прусская война, а 3 июля австрийская армия понесла тяжёлое поражение в битве при Кёниггреце (иначе—при Садовой).

Этот удар отнюдь не лишил Австрию возможности продолжать войну, тем более что австрийцы одержали крупные победы над Италией; но австрийское правительство боялось, что затяжная война вызовет восстания в Венгрии и в других областях многонациональной Австрийской империи и приведёт к развалу это лоскутное государство. Эти опасения парализовали волю австрийского правительства к борьбе, и оно поторопилось заключить мир, признав себя побеждённым.

Пруссия обеспечила свою гегемонию в северной Германии, аннексировала четыре небольших немецких государства, наиболее крупным из которых было королевство Ганноверское, а остальным государствам северной Германии предложила вступить в федеративное объединение под своим верховенством—в так называемый Северо-Германский союз.

Но четыре южнонемецких государства (Бавария, Баден, Вюртемберг и Гессен) оставались самостоятельными. Наложить на них прусскую лапу не удалось потому, что этому мешала Франция. Она вовсе не желала увидеть у своей восточной границы вместо

безопасных мелких государств единую Германию, возглавляемую Пруссией.

Расправившись с Австрией, Бисмарк тотчас принялся за подготовку к войне с Францией. К 1870 г. Пруссия была готова к войне, и Бисмарк ожидал лишь случая, чтобы начать её. Повод для войны не заставил себя долго ждать.

Как раз в ту пору прусскому принцу был предложен испанский престол. Французское правительство не могло допустить, чтобы прусское влияние восторжествовало в Испании и чтобы у Франции в случае борьбы с Пруссией появился второй фронт—на Пиренеях. Император Наполеон III потребовал от прусского короля, чтобы принц отказался от претензий на испанский престол. Король дал согласие. Но французский император не удовлетворился этим и поручил своему послу потребовать от Вильгельма I, чтобы он распространил этот запрет и на будущие времена. Посол отправился на курорт Эмс, где отдыхал Вильгельм, испросил аудиенцию и изложил королю французские требования. Вильгельм ответил, что считает данное обещание достаточным, но в конце концов согласился продолжать переговоры на эту тему. Обо всём происшедшем король тут же велел телеграфировать Бисмарку.

Депешу короля Бисмарк решил использовать для того, чтобы спровоцировать войну с Францией, столь желанную для Пруссии. Он перередактировал текст полученной из Эмса телеграммы, придав ответу короля характер грубого отказа, оскорбительного для Франции и для её императора. Получилось так, будто прусский король просто выпроводил французского посла за дверь. Подделанный текст телеграммы Бисмарк послал для немедленного опубликования в печати. Оскорблённое французское правительство, оберегая свой престиж, объявило войну Пруссии. Французские придворные круги во главе с императрицей надеялись посредством победоносной войны укрепить положение императора в стране.

Война началась 19 июля 1870 г. А 2 сентября одна из французских армий была разгромлена пруссаками при Седане. Сам император оказался прусским пленником. Страшная опасность нависла над Францией. Французский народ требовал мобилизации всех сил страны для отпора немецким захватчикам. Но французская крупная буржуазия думала иначе: она боялась своего народа больше, чем пруссаков. Временное правительство, сменившее Наполеона III после катастрофы при Седане, приняло наименование «правительства национальной обороны». На самом деле оно оказалось «правительством национальной измены»,—так его и прозвали парижские рабочие. Маршал Базен, командующий другой французской армией, отступившей под защиту фортов Меца, 27 октября сдал пруссакам эту крепость, капитулировав со всей своей армией.

Ещё в сентябре пруссаки приступили к осаде Парижа. Они подвергли столицу Франции артиллерийскому обстрелу. В городе начался голод. Парижский народ был готов на любые лишения, однако «правительство национальной измены» начало переговоры с Бисмарком и согласилось на позорный мир. Оно выразило готовность отдать немцам две французские области—Эльзас и Лотарингию и согласилось уплатить им 5 миллиардов франков контрибуции. По тем временам это была огромнейшая сумма. То был грабительский мир, навязанный Бисмарком французскому народу с помощью лавалей того времени.

Победа немцев в 1870 г., как и победа 1866 г., говорит не о «непобедимости» немецкой армии, а лишь о том, что в обоих случаях ей противостоял гнилой противник.

Мир ещё не был окончательно подписан, когда 18 марта 1871 г. в Париже вспыхнула первая в мире пролетарская революция. 28 марта была провозглашена Парижская Коммуна. Бисмарк помог Тьеру—главе французского правительства—расправиться с парижскими рабочими. В разгар боёв между Коммуной и версальцами, 10 мая во Франкфурте-на-Майне был подписан окончательный текст мирного договора. Так совершилось первое ограбление Франции немцами.

В течение войны значительная часть Франции оказалась оккупированной немецкими войсками. Они насильничали и издевались над французами. То был, как выражается Энгельс, «специфически-пруссский характер войны». Были «установлены размеры военной дани, подлежащей взысканию с отдельных городов и департаментов Франции... Съестные припасы, фураж, одежда, обувь и т. д. реквизировались с демонстративной беспощадностью... Верны также рассказы про отсылавшиеся на родину стенные часы; «Kölnische Zeitung» сама сообщала об этом»¹. Пруссакки бесчинствовали и издевались над населением, расстреливая мирных жителей по одному только подозрению в совершении проступка.

Хотя пруссакам бисмарковских времён далеко до их гитлеровских потомков, но для своего времени они показали, на что способна немецкая армия. Во всех войнах немцы сознательно применяют зверства как метод запугивания противника. И немцы пожалели то, что посеяли: лютую ненависть вызвали они к себе у французского народа.

18 января 1871 г., когда прусские войска стояли под Парижем, а Бисмарк вёл дипломатический торг с предателями Франции из правительства «национальной обороны», в зеркальном зале Версаль-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 486.

ского дворца на собрании всех германских монархов прусский король Вильгельм I был провозглашён германским императором. Так была основана Германская империя, в которую вошли все немецкие государства. Руководящая роль принадлежала, конечно, Пруссии. Согласно известному изречению Бисмарка, единая Германия была создана «кровью и железом». В войнах и грабежах основана она, скажем мы на более понятном языке.

Новая империя являлась полуабсолютной монархией. Император (кайзер) получил огромную власть. Он являлся главнокомандующим всеми вооружёнными силами Германии. Он назначал всех имперских должностных лиц и в их числе—рейхсканцлера, который направлял всю политику империи. Политическую ответственность за свою деятельность канцлер нес только перед императором. Если канцлер терял доверие рейхстага, то он вовсе не должен был подавать в отставку. Другое дело, если он лишался доверия своего монарха: последний мог в любой момент его уволить. Император и его канцлер фактически правили Германской империей. Парламент (рейхстаг) играл ограниченную роль. А если к этому добавить, что в качестве прусского короля император в пределах Пруссии пользовался ещё более значительной властью, если учесть, что Пруссия составляла больше половины Германской империи и по территории и по населению, то влияние монархии представится ещё более значительным. Вместе с превращением Гогенцоллернов в императоров Германии и прусское юнкерство из господствующего класса Пруссии превратилось в господствующий класс всей Германии. Прусская военная организация была распространена теперь на всю империю. Таким образом Германская империя оказалась кровью от крови, плотью от плоти старой Пруссии. Империя, говоря словами Энгельса, сразу получила «репутацию страны, жаждущей территориальных захватов». «Немецкий буржуазный шовинист...,—писал Энгельс,—охотно присоединил бы к Германской империи Голландию, Фландрию, Швейцарию и якобы «немецкие» прибалтийские губернии России... теперь уже никто в Европе не доверяет «прямодушным немцам». Куда бы вы ни явились, везде вы встретите симпатии к Франции и недоверие к Германии»¹. Итак, насилия немцев, совершённые ими в войнах с Данией и Францией,—над Шлезвигом и Голштинией, над Эльзасом и Лотарингией, наложили кайну печать на только что созданную Германскую империю. Она стала источником беспокойства для более сильных из своих соседей, источником страха для более слабых, предметом ненависти—для всех

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 359.

II

ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Ещё в самом начале франко-прусской войны Маркс дал глубочайший анализ прусской захватнической политики. Вот что он писал по поводу проектов захвата Эльзаса и Лотарингии: «Военная камарилья, профессура, бюргерство... утверждают, что это (захват Пруссией Эльзаса и Лотарингии)—средство навсегда оградить Германию от войны с Францией. Наоборот, это—вернейший способ превратить эту войну в европейскую институцию. Это—действительно наилучшее средство увековечить в обновлённой Германии военный деспотизм как необходимое условие господства над западной Польшей—Эльзасом и Лотарингией. Это—безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие до тех пор, пока Франция не окрепнет настолько, чтобы потребовать отнятую у неё территорию обратно». Маркс предсказывал, что Россия не останется безучастной к новой экзекуции над Францией: «...война 1870 г. так же неизбежно чревата войной между Россией и Германией, как война 1866 г. была чревата войной 1870 г.»¹

В Франкфуртском мирном договоре «были заложены первые зародыши войны 1914—1918 гг.»²

Ни у кого не могло возникнуть ни малейшего сомнения в хищнической натуре Германской империи. Её возрастающая военная мощь страшила соседей. А военная машина Германии непрерывно развивалась и совершенствовалась. Особенно крупные мероприятия были проведены ею в 80-х годах. Именно Германия положила почин в деле перевооружения армии магазинными ружьями. Именно она провела в 1888 г. военный закон, открывавший возможности небывало широкого использования резервных формирований в войне. Закон этот заключался в повышении возраста военнообязанных с 32 до 45 лет и в создании кадров командного состава для новых резервных частей. Бисмарк, защищая военный закон в рейхстаге, заявил, что в лице новых резервных формирований Германия приобретает добавочную силу, равную целой великой державе. И действительно, германскому правительству удалось обеспечить себе дополнительно около 1 миллиона штыков. Этот закон открыл новую эру в развитии милитаризма, в создании массовых армий. Ещё никогда силы нации не привлекались в такой мере на службу войны. Неудивительно, что соседям Германии, т. е. России и Франции, приходилось напрягать все усилия, чтобы не отстать от неё в развитии своих вооружённых сил.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 68—69.

² «История дипломатии», под ред. В. П. Потёмкина, т. I, стр. 527.

Таким образом, с появлением Германской империи началась гонка вооружений. Установилось состояние так называемого вооружённого мира.

Всё это сопровождалось в Германии развитием самых крайних форм шовинизма. За семь лет—с 1864 по 1871 г.—немцы одержали одну за другой три победы. Они разгромили маленькую Данию и победили две великие державы—Австрию и Францию.

Пусть и Австрия после Кёниггреца и Франция после Седана с военной точки зрения имели возможность продолжать войну. Пусть обе они были так быстро разбиты Пруссией только потому, что их правительства утратили волю к борьбе, а во Франции даже учинили национальное предательство. В глаза бил самый факт блистательных побед. Лёгкие победы развили в Германии крайнюю самоуверенность, а в армии—веру в свою «непобедимость». Всё это, взятое вместе, поощряло к авантюристическим предприятиям—и в тактике, и в стратегии, и, наконец, во внешней политике. Юнкерская заносчивость немецкого офицера превратилась в наглость. Вся нация, не говоря уже об армии, воспитывалась в духе слепой веры в непобедимость германского оружия и в превосходство немцев над всеми остальными народами. «Deutschland über alles»—гласила популярная националистическая песня.

Немецкий хищник не только вооружался. Он приступил к вербовке союзников, к организации военного блока. Используя страх Австрии перед Россией—её соперницей на Балканском полуострове,—Бисмарк в 1879 г. побудил австрийское правительство, забыв о реванше за 1866 г., заключить союз с Германией. В дальнейшем Бисмарк привлёк к союзу и Италию. Италия точила зубы на Тунис и на другие области Северной Африки, на французские Корсику, Ниццу и Савойю. Эти вождедения и были использованы Бисмарком, чтобы вовлечь её в союз, направленный против Франции. В 1882 г. был оформлен так называемый Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии. «Шакалы всегда слоняются за более крупными хищниками»,—так определил Бисмарк роль Италии в Тройственном союзе. Это было сказано хоть и цинично, но верно.

Неудивительно, что соседи Германии—Россия и Франция—приняли свои контрмеры против Тройственного союза. «Последствием этого соглашения о мире в Европе, а на деле о войне в Европе,—говорил товарищ Сталин,—послужило другое соглашение, соглашение России и Франции в 1891—93 гг.»¹

Таким образом, одним из результатов создания Германской империи как милитаристического, агрессивного государства явилось распадение Европы на два враждебных друг другу военно-политиче-

¹ И. Сталин, Политический отчёт ЦК XIV съезду ВКП(б). Стенографический отчёт, стр. 15.

ских лагеря: Тройственный союз, возглавляемый Германией, и Двойственный—франко-русский союз. Последний явился ответом на созданный Бисмарком германо-австро-итальянский военный блок.

Руководящей идеей внешней политики Бисмарка была изоляция Франции. Он хотел бы сделать эту изоляцию настолько обеспеченной, чтобы можно было начать новую войну против Франции, не опасаясь иностранного вмешательства. Основной помехой для германской агрессии при этом была Россия. Бисмарк был сторонником локализованной войны. И если фактически он так и не провёл второй войны против Франции, то только потому, что никогда не мог достигнуть уверенности, что войну в самом деле удастся локализовать. Это говорит об осторожности «железного канцлера», но никак не свидетельствует о его миролюбии.

Бисмарк всегда боялся войны на два фронта. Военно-географическое положение Германии делало эту перспективу особенно опасной. Задача внешней политики Бисмарка после ограбления Франции заключалась в том, чтобы предотвратить образование антигерманской коалиции и тем самым избежать опасности многофронтной войны. Задача эта была нелёгкой, так как страх перед агрессивным германским милитаризмом заставлял другие державы сговариваться о совместных противодействиях Германии. Какие же средства использовал Бисмарк для предотвращения этой опасности?

В первую очередь он стремился разжечь противоречия между великими державами. Интересы России и Англии сталкивались в Турции, в Иране, в Средней Азии. Хотя ни Англия не могла стать жизненно опасной для России, ни Россия для Англии, всё же близкое территориальное соприкосновение владений и сфер интересов в Азии порождало множество конфликтов, которые отравляли англо-русские отношения на протяжении большей части XIX века. Бисмарк, внимательно следя за этими конфликтами, не упускал, однако, из виду, что такие противоречия между Россией и Англией не мешали им совместно, как союзникам, бороться против Наполеона I и разбить его планы европейской гегемонии. И когда в 1875 г. Бисмарк неосторожно обнаружил склонность снова напасть на Францию, то произошло немедленное сближение между Россией и Англией. «Бисмарк—это новый Наполеон,—заявил британский премьер-министр лорд Биконсфильд.—И он должен быть обуздан. Необходим союз между Россией и нами для данной конкретной цели». Бисмарку пришлось оставить Францию в покое и начать оправдываться, будто слухи о войне—это выдумка биржевых спекулянтов.

Когда надвинулась русско-турецкая война, Англия деятельно поддерживала Турцию против своего русского соперника. Бисмарк всячески, как только умел, поощрял русское правительство на войну с Турцией. В длинном ряду дипломатических перипетий в

период подготовки русско-турецкой войны особенно любопытен один эпизод, разыгравшийся в начале 1877 г. Наблюдая обострение англо-русских отношений на почве турецких дел, Бисмарк решил, что настал момент, когда можно, заручившись гарантией со стороны России, развязать новую войну против Франции и окончательно разгромить её. Он стал осторожно предпринимать некоторые подготовительные мероприятия. Но эффект получился совершенно неожиданный и весьма нежелательный для Бисмарка. Биконсфильд, ярый противник России и покровитель Турции, вдруг резко изменил курс: он заговорил об англо-русском соглашении, в Петербурге же с радостью приняли протянутую Лондоном руку.

Бисмарк понял свою ошибку. Он мигом свернул антифранцузскую кампанию и принялся расточать заверения, что не тронет Францию. Биконсфильд успокоился и вернулся к антирусскому политическому курсу.

Отказавшись от попытки начать войну против Франции, Бисмарк поспешил «дружески» устроить русскому правительству заём у немецких банкиров, с тем чтобы ускорить развязывание русско-турецкой войны.

Не менее показателен ещё один эпизод, разыгравшийся в 1885 г. Между Англией и Россией возник конфликт из-за русско-афганской границы. Запахло порохом. Старый кайзер Вильгельм I, по причинам не вполне ясным, пытался побудить Бисмарка выступить в качестве посредника. Канцлер ответил на это докладной запиской, в которой весьма откровенно рассказал о своей политике. «Германская политика,—писал Бисмарк,—заинтересована установить между Англией и Россией скорее враждебные, нежели слишком близкие отношения». «Если бы возник англо-русский союз, он мог бы в любой момент усилить себя посредством присоединения Франции». «Он стал бы основой такой коалиции, ничего опаснее которой для Германии и быть не может».

В исторической литературе часто можно прочесть, будто Бисмарк был другом России. Сам Бисмарк изображал себя именно таковым. Но это не верно. Бисмарк усматривал в России главное препятствие на пути германской агрессии в Европе и за это ненавидел Россию. Он всегда стремился её ослабить. Бисмарк вредил России всюду, где только мог, напрягая всю силу своего изобретательного ума. Он был врагом не только России, но и всякой другой страны, которая обладала силой и могла встать поперёк дороги агрессивной немецкой политике. Но Бисмарк стремился вредить России скрытно, чужими руками, так как он смертельно боялся последствий войны с ненавистным ему великим русским народом. «Эта война с гигантскими размерами своего театра была бы полна опасностей,—говорил он.—Примеры Карла XII и Наполеона указывают, что самые способные полководцы лишь с трудом выпу-

тываются из экспедиции в Россию». Если бы даже военное счастье улыбнулось Германии в этой войне, говорил Бисмарк, то и тогда «географические условия сделали бы бесконечно трудным доведение успеха до конца». Он считал, что даже в случае, если бы Германии удалось одержать полный военный успех, то и тогда она не добилась бы настоящей политической победы над Россией, ибо страна эта непобедима по самому своему существу. Полемизируя со сторонниками нападения на Россию, Бисмарк в 1888 г. писал: «Об этом можно было бы спорить в том случае, если бы такая война действительно могла привести к разгрому России. Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведёт к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленишь международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути. Это—неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью своих потребностей». Эти слова свидетельствуют, что старый князь был осторожен и опытен. Он был умён и понимал силу русского народа, готового на любые жертвы во имя спасения родины. Преемники Бисмарка унаследовали его хищную натуру, но им не хватает его ума. Они восприняли его ненависть к русским, но понимающие мощи России оставались чуждым их сознанию.

III

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Начиная с 70-х годов XIX в. в Германии стали зарождаться монополии и финансовый капитал. Раньше всего эти новые явления обозначились в тяжёлой индустрии. Маркс и Энгельс не могли ещё дать анализ империалистической фазы развития капитализма, но они сумели подметить отдельные признаки новых явлений капиталистической экономики. В 1880 г. Энгельс указывал на весьма высокую степень концентрации германской металлургии. «Возьмём железо,—писал Энгельс.—Период спекуляции и лихорадочного производства наградила Германию двумя предприятиями (Дортмундское объединение и заводы Лаура), из которых каждое в отдельности могло бы произвести столько, сколько необходимо в среднем для всего потребления страны. Затем имеется гигантское предприятие Круппа в Эссене, другое подобное же в Бохуме... Так как имеется всего-навсего какая-нибудь дюжина предприятий, с которыми приходится считаться и которые господствуют над другими, то образуется

то, что американцы называют *рингом*: объединение для поддержания цен внутри страны и для регулирования вывоза»¹.

Выделяя «Дортмундер Унион» и акционерное общество «Лаура», Энгельс отмечает тесные связи этих предприятий с банками: первого — с Дисконто Гезельшафт, второго — с банкирским домом Блейхредера. Одним словом, факты сращивания банковского капитала с промышленным были уже налицо. В области металлургии в 80-х годах в Германии выделилось около трёх десятков крупнейших фирм, которые сосредоточили в своих руках до половины производства стали и железа. К концу 90-х годов их доля поднялась до 90%. Эти фирмы быстро росли и превращались в гигантские комбинированные концерны. Они объединялись в ринги и синдикаты для сбыта своей продукции. Крупнейшими фактами в истории синдицирования немецкой тяжёлой промышленности было образование Рейнско-Вестфальского каменноугольного синдиката в 1893 г. и Стального синдиката в 1904 г.

В химической и электротехнической промышленности и в морском судоходстве процесс образования монополий зашёл, пожалуй, ещё дальше. В каждой из этих отраслей ко времени первой мировой войны руководило всего по две капиталистических группы. В электроиндустрии это были Всеобщая компания электричества и фирма «Сименс»; в морском судоходстве — Гамбургско-американская компания и Северогерманский Ллойд.

Финансирование промышленности всё более концентрируется в руках шести крупнейших банков.

Таким образом, в Германии, как и во всех развитых капиталистических странах, с 70-х годов стали складываться, а к началу XX века вполне оформились главные черты империализма.

Во всех странах империализм имеет общие основные признаки, однако в каждой стране он приобрёл и ряд существенных особенностей. Да иначе и быть не могло. Между отдельными капиталистическими странами существовала и существует немалая разница в характере политического устройства, складе политической жизни, аграрном строе и во многих других сторонах общественной жизни. Например, когда английский капитализм стал входить в империалистическую фазу развития, в Англии давно существовал парламентарный строй. Во Франции и США это происходило в то время, когда уже сложились буржуазно-демократические республики. В Германии же буржуазная революция, потерпевшая поражение, не сумела сломать феодально-абсолютистский строй. Сохранилось помещичье землевладение. В отличие от Франции юнкерские феодальные поместья в Германии не были уничтожены. Напротив, юнкера окрепли. Они присвоили себе значительную часть крестьянских земель, и их

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 487—488.

имения стали постепенно превращаться в капиталистические сельскохозяйственные предприятия, сохранившие при этом множество старых феодальных черт. Таков прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве.

Развитие капитализма, а затем и империализма в Германии совершалось в обстановке полуабсолютистской Германской империи. Старый прусский милитаризм, заботливо сохраняемый в лоне созданного Бисмарком единого немецкого государства, как нельзя лучше пригодился германскому империализму. Последний прочно сросся с юнкерским монархическим государственным аппаратом Германской империи и в особенности с её милитаристической системой, подчинив их себе и используя в своих целях. Империалистическая буржуазия вступила в тесный союз с юнкерством. Так сложилась первая особенность германского империализма. Ленин характеризует его как «юнкерски-буржуазный империализм»¹.

Империализм повсеместно означал укрепление сил реакции. «Империализм,—указывал Ленин,—означает реакцию по всей линии». Там, где эта реакция не встречала противодействия ни со стороны давних парламентских традиций, как в Англии, ни в демократических учреждениях Франции или США, там она, конечно, могла принимать особенно грубые формы. Германский империализм оказался самым реакционным; это вытекало из его юнкерски-буржуазного характера.

Однако этот особо реакционный империализм располагал самой совершенной в Европе индустриально-технической и организационной базой. Это объясняется тем, что на путь капиталистического развития Германия вступила позже Англии и Франции и относительная молодость германской промышленности способствовала повышению её технического уровня. Вновь возникшие предприятия оснащались по последнему слову техники. Балласт же предприятий с технически устаревшим оборудованием был меньше, чем в странах старого капитализма.

Германской промышленности пришлось отбивать себе место на мировых рынках в ожесточённой конкурентной борьбе со старыми хозяевами этих рынков. В этой борьбе немцы могли победить, только добившись превосходства в технике и в организации предприятий. По развитию капиталистических монополий Германия занимала первое место в Европе. В Германии, писал Ленин, «мы имеем «последнее слово» современной крупно-капиталистической техники и планомерной организации, подчинённой юнкерски-буржуазному империализму»².

Связь германского империализма с полуабсолютной прусской монархией в условиях высокого развития монополий способствовала расцвету в Германии государственного капитализма. Ленин сле-

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 516 и др.

² Там же, стр. 516.

дующим образом характеризует германский империализм: «...против этой группы, англо-французской главным образом, выдвинулась другая группа капиталистов, ещё более хищническая, ещё более разбойничья—группа пришедших к столу капиталистических яств, когда места были заняты, но внесших в борьбу новые приёмы развития капиталистического производства, лучшую технику, несравненную организацию... Группа эта внесла начала огосударствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма»¹. Это огосударствление капиталистического производства особенно усилилось во время первой мировой войны.

Германия быстро обгоняла Англию и Францию по размерам своей продукции и по мощности производственного аппарата. Вот несколько цифр, иллюстрирующих это:

Страны	Добыча каменного и бурого угля (в млн. т)		Выплавка чугуна (в млн. т)	
	1870 г.	1913 г.	1870 г.	1913 г.
Англия	112	287	6	10,5
Франция	13	40	1,8	5,3
Германия	34	277	1,2	16,6

В то время как продукция английской промышленности с 1883 по 1913 г. увеличилась по чугуну на 50%, по стали—на 136, по каменному углю—на 56%, для Германии за это время рост производства чугуна равняется 287%, стали—522 и каменного угля—135%. Тут с исключительной яркостью проявился открытый Лениным и развитый Сталиным закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран. «Неравномерность эта,—говорит товарищ Сталин,—ведёт обязательно и неминуемо к скачкообразности развития, ведёт к тому, что отставшие в промышленном отношении страны в более или менее короткий срок перегоняют ушедшие вперёд страны... Германии понадобилось каких-нибудь два десятка лет для того, чтобы начать опережать Англию»². «Известно, что ещё совсем недавно Англия шла впереди всех других империалистических государств. Известно также, что впоследствии Германия стала перегонять Англию, требуя для себя места «под

¹ Ленин, Соч., т. XXX, стр. 336—337.

² Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению Истории ВКП(б), т. III, стр. 112, 114.

солнцем» за счёт других государств и прежде всего за счёт Англии. Известно, что империалистическая война (1914—1918 гг.) возникла именно в связи с этим обстоятельством»¹.

По мере роста германского капитализма и по мере его перехода в империалистическую фазу развития в правящих классах Германии всё более распространялось мнение, что та территория, которую они эксплуатируют, слишком мала, что для Германии необходимы новые пространства и в Европе и в колониях. Бисмарк ещё в 1883—1885 гг. приобрёл первые немецкие колонии; то были Германская Юго-западная Африка, Камерун, Того, Германская Восточная Африка, часть острова Новая Гвинея и ряд островов на Тихом океане. Но всё это были области, имеющие незначительную экономическую ценность. Они ни в какой мере не удовлетворяли немецких аппетитов. Стремление к захватам особенно возросло в Германии с 90-х годов XIX века. На страницах германской прессы, с трибуны рейхстага, в брошюрах, с университетских кафедр и в средней школе широко популяризируются эти идеи.

Почему у Англии есть огромные колонии с населением чуть ли не в 400 миллионов человек?—вопросили германские шовинисты. Почему бы всем этим колониям не стать немецкими?

Почему, продолжали пангерманцы, русский народ занимает такую большую территорию? Отнять у русского народа его земли!

Почему Бисмарк взял у французов только часть Лотарингии? Ведь в другой её половине расположен богатейший железорудный бассейн—Бриэй. А германской индустрии так нехватает железной руды!

Рядом с Германией много малых стран, вопили немецкие шовинисты: Голландия, Дания, Швеция и Норвегия. Они слабы. Не ясно ли, что они должны стать немецкими? А в северной Швейцарии даже и говорят на немецком языке. Следовательно, необходимо прихватить и Швейцарию.

Когда-то немецкие рыцари хозяйничали в прибалтийских областях России. Почему бы современным немцам не продолжить это занятие? Тем более что в Прибалтике осталось изрядное количество немецких баронов-помещиков. Они—немцы, соль земли и тоскуют по Германии. Ясно, что не обойтись без отчуждения этих земель у России. Славяне, заявляли поборники «натиска на восток»,—раса низшая, они для того и созданы, чтобы быть рабами немцев.

А вот, наконец, Турция. Большая страна, в ней имеются естественные богатства. Почему бы и её не подчинить немцам? Тем более что из Турции не так уж далеко и до Британской Индии.

А сколько богатых областей в Америке! Например, в Бразилии.

¹ И. Сталин, Сборник об оппозиции, стр. 341.

Да не только Бразилию, но и другие страны Латинской Америки не следует обходить своим вниманием, и они неплохи.

В таком духе долгое время велась дикая, оголтелая пропаганда германского шовинизма.

В 1891 г. для пропаганды такого рода идей создавалась специальная организация—Пангерманский союз. «Достигнутое державное положение,—говорилось в одном из обращений, изданных его основателями,—должно быть использовано для участия в борьбе за раздел мира». Манифест Пангерманского союза провозглашал: «У нас нет такого рынка, который при всех условиях был бы обеспечен для нашей промышленности, ибо нам недостаёт собственных достаточно ёмких колоний». «Наша немецкая культура,—нагло утверждалось дальше,—представляет собой идеальную сердцевину работы человеческой мысли»(!). Германия, заключали немецкие шовинисты, «предназначена» для господства над миром. Подобными идеями правящие классы Германии отравляли сознание немецкого народа.

Те из немецких империалистов, которые не совсем потеряли голову от шовинистического угара, соображали, что сразу против всех этих стран все-таки выступать нельзя. Перед началом первой мировой войны они доказывали, что надо ограничиться тем, чтобы отнять колонии у Англии, а с Россией временно поддерживать мир. Другие, наоборот, говорили, что ссориться с Англией не следует, ибо миссия Германии—на Востоке. Надо покончить с русскими, подчинить себе Турцию и лишь после этого приняться за Англию. Самые же оголтелые шовинисты кричали, что немцы так сильны, что и весь мир им не страшен.

Правители Германской империи были так же проникнуты идеей необходимости коренного передела мира и считали полезным одурманивать народ шовинистской пропагандой. С 90-х годов XIX века вплоть до войны 1914—1918 гг. в Германии шла разнузданная пропаганда национальной ненависти, идеи насилия и войны, нелепого превозношения всего немецкого.

Крайняя агрессивность германского империализма питалась тем, что в силу сложившихся условий Германия позже других вступила в борьбу за раздел мира. «Свободных», т. е. никем из капиталистических держав не захваченных, территорий уже почти не оставалось, и дело могло идти лишь о переделе мира. Но ни Англия, ни Франция, ни Россия не собирались отдавать немцам своих владений, и молодой хищник, позже других втёршийся в круг «великих держав», оказался самым агрессивным из них: ему не терпелось силой оружия заставить своих более богатых конкурентов поделиться с ним.

Исключительная агрессивность германского империализма основывалась ещё и на том, что он обладал огромной военной силой. Он унаследовал от старой Пруссии первоклассную военную органи-

зацию, которую непрерывно развивал. И Россия и Франция тоже располагали сильными армиями, но наличие большой армии у них не сочеталось с таким развитием военной индустрии, как в Германии. К тому же во Франции численность населения застыла на 38—39 миллионах человек, а в Германии с 1871 по 1914 г. население выросло с 40 до 67 миллионов. Кроме того, у немцев была уверенность в собственной «непобедимости» после их лёгких побед в 1864, 1866 и 1870 гг. Военный потенциал Германии был высоким. Военное руководство было готово ринуться в бой с самоуверенной убеждённостью в успехе, с глубоко вкоренившейся в сознание верой, будто немцы «всех сильнее».

Итак, следует отметить следующие особенности немецкого империализма, как он сложился к началу XX века: 1) его «юнкерски-буржуазный» и особо реакционный характер, проистекавший из связи со старопруссским милитаризмом; 2) наличие у него «последнего слова современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации» (*Ленин*); 3) исключительную агрессивность, питаемую запоздалым появлением на свет германского капитализма, высоким военным потенциалом и упоением прошлыми победами. Некоторые из этих трёх моментов имелись и в других странах: в США, например, и техника и организация капиталистического производства были ещё более передовыми, нежели в Германии. Но именно сочетание всех этих трёх моментов, вместе взятых, рисует своеобразие империалистической Германии уже в самом начале XX века, как самой агрессивной и одной из наиболее реакционных империалистических держав.

IV

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В 1888 г. на германский императорский трон взошёл Вильгельм II. Новый кайзер по личным своим качествам удивительно соответствовал природе германского империализма. Вечно возбуждённый, до смешного самоуверенный, самовлюблённый Вильгельм был убеждён, что он всех умнее, и не было ни одного вопроса, по которому он с развязностью не рассуждал бы тоном знатока. Вильгельм считал себя выдающимся оратором и очень любил произносить речи. Он действительно умел говорить красно, но все речи его были верхом бестактности. Чуть ли не после каждой из них канцлерам приходилось немало тратить сил, чтобы успокоить задетых неуверенным красноречием его величества. Особенно любил кайзер в своих речах грозиться и пугать своих врагов. «Немецкий бронированный кулак», «кто не со мной, того я разгромлю»,—подобные выражения не переводились в лексиконе императорских речей. Но эти грозные фразы вовсе не исходили от действительно сильного

человека. Кайзер быстро наглед, когда ему везло, пугался и делался ничтожным и жалким, когда ему как следует давали по рукам. Одной из величайших бестактностей Вильгельма II было интервью, которое он в 1908 г. дал корреспонденту английской газеты «Дейли Телеграф». Из этого интервью весь мир с изумлением узнал, будто Англия выиграла войну против буров только благодаря германскому кайзеру, который прислал королеве Виктории детально разработанный план военных действий. И много ещё диковинных вещей поведал кайзер в этом интервью. В Англии оскорбительное бахвальство кайзера вызвало страшное возмущение, причём было публично установлено, что никакого плана военных действий кайзер в Англию не присылал. Со всем остальным содержанием этого интервью обстояло не лучше. Неудивительно, что в германском рейхстаге поднялась буря, причём особенно возмущались монархисты, считавшие, что беспардонной ложью кайзер роняет достоинство монархии. Вильгельм чувствовал себя, как высеченный мальчишка, и униженно молил канцлера Бюлова защитить его. Когда же шум улегся и дело с этим интервью несколько позабылось, Вильгельм уволил Бюлова за то, что тот не захотел публично оправдать его поступок. В этом эпизоде отражена вся психология Вильгельма II: нахальный и пустой лжец-самохвал, трусливый, когда его бьют, быстро вновь наглеющий, как только убедится, что буря миновала. Такой человек нетерпим во главе государства, но Вильгельм по своим личным свойствам оказался как-то удивительно подходящим к характеру самой немецкой политики.

Через два года после своего вступления на престол Вильгельм дал отставку Бисмарку. Молодой кайзер, навязчивый и суетливый, желавший везде играть первую роль, и властный старик, презиравший поверхностного молодого человека и привыкший всё решать сам, ужиться не могли. Бисмарк испытал ряд провалов в политике по рабочему вопросу. Неудачи ослабили его положение. Вильгельм довольно ловко использовал это обстоятельство, чтобы отделаться от всемогущего правителя своей империи.

В первом же публичном выступлении Вильгельм дал лозунг наступающего политического курса: «На всех парах вперёд». Куда именно—это лучше всего пояснят слова Бюлова, сказанные им в рейхстаге несколько лет спустя: «Уже достаточно нам, немцам, стоя в стороне, смотреть, как другие делят сладкий пирог». «Пора и нам отвоевать себе место под солнцем». И германские империалисты принялись его отвоевывать... Для Германской империи наступила эра «мировой политики». Дух этой политики неплохо определил один оппозиционный буржуазный депутат (Евгений Рихтер): «Что такое мировая политика?»—спрашивал он. И давал ответ: «Это значит соваться всюду, где только на свете происходит какая-нибудь заваруха».

Это была политика шантажа, провокаций и угроз. Первая мировая война была её кровавым финалом. Непомерность захватнических appetитов привела к тому, что Германия рассорилась буквально со всеми великими державами, за исключением Австро-Венгрии. В 1898 г. Германская империя приступила к постройке мощного военного флота. Это означало покушение на военно-морское первенство Англии, т. е. угрозу целостности её колоний. «Трезубец Посейдона должен принадлежать нам»; «наше будущее на море»,—ораторствовал Вильгельм II. В том же 1898 г. была достигнута договорённость с турецким султаном о предоставлении одному из германских банков («Дейче Банк») концессии на сооружение железной дороги от берегов Босфора через всю Малую Азию и Месопотамию до берегов Персидского залива. Дорога получила название Багдадской—по имени крупнейшего города Месопотамии. Постройка этой железной дороги была вызовом уже не одной Англии, но и России. При слабости султанской Турции концессия на такую дорогу означала продвижение немецкого влияния на дальние стратегические подступы к Британской Индии, а также к границам Кавказа. «Они нас хотят окружить от Полангена (на берегах Балтики, на тогдашней русско-немецкой границе) и до Эрзерума»,—заявил русский военный министр генерал Куропаткин.

Попытка России получить какие-либо гарантии своей безопасности в связи с постройкой Багдадской дороги, неоднократные попытки англичан договориться об ограничении военно-морского строительства оставались безуспешными. Не ограничиваясь закабалением Турции, немецкий империализм намеревался наложить лапу на Марокко под видом его защиты от Франции. Борьба за Марокко тянулась с 1905 по 1911 г. Она дважды чуть не привела к войне и закончилась поражением германского империализма: Марокко досталось его французскому сопернику. Закабалая Турцию, немцы вместе со своими австро-венгерскими союзниками усиленно интриговали на Балканах, стараясь утвердить своё влияние на полуострове, являющемся как бы мостом в Турцию. Словом, развязалась ожесточённая борьба за господство на океанах, на Ближнем Востоке (т. е. Балканах, в Малой Азии, Иране), в Северной Африке и т. д. Борясь за сохранение своих позиций, другие державы объединились против Германии. Англия договорилась с державами франко-русского союза. В 1904 г. она заключила соглашение с Францией, в 1907 г.—с Россией. Так возникла Тройственная Антанта, т. е. англо-русско-французское соглашение против Германии.

Главой Антанты была Англия. Именно англо-германский антагонизм был ведущим и наиболее глубоким. Стремясь к мировой гегемонии, Германия сталкивалась с гигантскими владениями Англии, разбросанными по всему земному шару, с её господством на морях,

с повсеместными давними связями английских капиталистов. Всё это Англия решила отстаивать любой ценой. Россию тоже задевало германское проникновение в Турцию и рост германского влияния в Константинополе, беспокоило её и постоянное возрастание вооружённых сил Германии. Франция также имела свои претензии к Германии. Она не забыла потери Эльзаса и Лотарингии. Соседство же Германии тревожило Францию ещё сильнее, чем Россию. Но франко-германский и русско-германский антагонизм всё-таки стояли на втором и третьем месте. Именно противоречия между Германией и Англией сыграли «почти определяющую роль в деле возникновения и развития мировой войны»¹.

Начиная с 1905 по 1914 г. мир шёл от одного международного кризиса к другому. За это время человечество не раз оказывалось на волосок от мировой войны. Наконец в 1914 г. волосок оборвался. Началась первая мировая война.

Виновниками этой войны были «империалисты всех стран»². Но нападающей стороной была всё-таки Германия. «Немецкая буржуазия... выбрала,—писал Ленин,—наиболее удобный, с её точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предпринятые Россией и Францией»³.

Если противники Германии, и прежде всего Россия, в момент возникновения войны были далеки от полного использования всех своих военных возможностей; то сама Германия была превосходно подготовлена к войне.

Превосходство её сказывалось прежде всего в области артиллерии. Германский корпус располагал 160 орудиями, в то время как французский имел 120, а русский корпус только 108 орудий. В тяжёлой артиллерии превосходство немцев было подавляющим. В 1914 г. армии Антанты полевой тяжёлой артиллерии почти не имели и не осознали её значения. Исключение составляет только русская армия, но у неё количество полевых орудий крупных калибров было крайне незначительно.

Германия обладала превосходством и в подготовке к боевому использованию второочередных резервных формирований. Обладая гораздо меньшим числом людей, годных для военной службы, Германия лишь незначительно уступала своим противникам в количестве прошедших военное обучение. Вместе с Австрией (но без Турции) она располагала приблизительно 8 миллионами обученных людей против 12 миллионов у государств Антанты, в то время как

¹ И. Сталин, О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», «Большевик» № 9, 1941, стр. 4.

² «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 155.

³ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 61—62.

по численности населения противники Германии и Австрии в 1914 г., превосходили их более чем вдвое, а считая колонии—в 6 раз.

К важным преимуществам Германии надо отнести также изобилие квалифицированных офицерских кадров, чёткость работы штабов, а по сравнению с Россией и огромное превосходство в развитии железнодорожной сети, а следовательно и в быстроте сосредоточения армии.

Ленин с исключительной прозорливостью разгадал замыслы германских империалистов. Он разоблачил их планы, указав, что германские империалисты начали войну «в момент, который оказался им более удобным для использования их последних усовершенствований в военной технике, и накануне проведения так называемой большой военной программы Россией»¹.

Немцы утверждают, будто Германию втянули в войну её союзница Австро-Венгрия. Но это не верно. На самом деле события происходили иначе: 28 июня 1914 г. сербскими националистами был убит наследник австрийского престола. В правящих кругах Вены одни требовали войны, другие, включая и тогдашнего премьера графа Тиссу, указывая на связанный с войной риск, настаивали на сохранении мира. Дряхлый император колебался. Конец этим колебаниям наступил лишь тогда, когда германский кайзер и его правительство с полной решительностью высказались за расправу с Сербией. Даже самые крайние империалисты в Австро-Венгрии признавали, что без Германии начинать войну было бы безумием.

5 июля Вильгельм II и германский канцлер Бетман-Гольвег приняли в Потсдамском дворце австрийских представителей. Они всячески поощряли Австрию к выступлению против Сербии, прекрасно понимая, что тем самым делается решающий шаг к развязыванию мировой войны. Для Германии эта война имела одну цель—коренной передел мира и завоевание мирового господства.

Дипломатия Вильгельма II пренебрегла осторожностью Бисмарка, который допускал лишь надёжно локализованную войну. В 1914 г. Германия оказалась перед неизбежностью борьбы на нескольких фронтах. В числе её противников оказались зараз—и Россия с Францией, и Англия.

Германские правящие круги рассчитывали, что проблему многофронтной войны после того, как их дипломатия оказалась неспособной предотвратить такую войну, разрешит стратегия.

Стратегический план германского империализма был выработан наиболее талантливым из начальников генштаба после Мольтке—графом Шлиффеном. Идея этого плана заключалась в двух основных положениях: во-первых, надо бить противников порознь. Для достижения этой цели следует использовать центральное поло-

¹ Ленин, Соч., т. XXX, стр. 219.

жепие Германши, высокую провозоспособность её железнодорожной сети и длительность мобилизации, сосредоточения и развёртывания русской армии, что должно было в 1914 г. занять у России более 40 дней. В течение этого срока Шлиффен рассчитывал в основном покончить с Францией, чтобы иметь возможность всеми силами обрушиться на русский фронт. Отсюда вытекает второе положение немецкой стратегии: война должна быть скоротечной; победу надо завоевать в течение нескольких недель. У германского империализма сложилась собственная военная доктрина, вполне отвечавшая его особо агрессивной природе и уходившая своими корнями в историю германско-прусской армии. Доктрина эта носила резко выраженный наступательный характер. И план Шлиффена был плоть от плоти этой доктрины.

Германский генштаб намеревался обрушиться всей мощью своей армии против Франции, обойдя хорошо укрепленную франко-германскую границу с севера и нарушив ради этого международно признанный нейтралитет Бельгии. Сильная ударная группа, составлявшая правое крыло немецких армий, должна была форсированным маршем двинуться в северную Францию и, обойдя Париж с севера и северо-запада, зажать в клещи и уничтожить французскую армию. Быстро расправившись с Францией, германский генштаб предполагал перебросить далее все силы против России.

Осуществляя этот замысел, немцы вероломно напали на Бельгию. Германский канцлер Бетман-Гольвег цинично заявил, что договор о гарантиях нейтралитета Бельгии—это только «ключок бумаги».

Сначала план Шлиффена, казалось, разыгрывался, как по нотам. Немцы прошли через Бельгию и вторглись в северо-восточную Францию. Но тут германское командование, считая, что сопротивление французов и англичан всерьёз надломлено, изменило первоначальное направление движения. Отказавшись от обхода Парижа, немцы повернули на юг и прошли мимо французской столицы, несколько восточнее её. Таким образом они подставили свой правый фланг под удары из парижского укрепленного района. Немцы стремились охватить левый фланг французов, а теперь сами оказались под угрозой охвата. Таково было положение немцев, когда они, перейдя реку Марну, своим фронтом оказались перед англо-французскими войсками, приостановившими отступление.

С 5 по 9 сентября 1914 г. на реке Марне произошло столкновение главных сил противников, вылившееся в сражение огромного масштаба. Наступление французов из парижского района во фланг и в тыл первой германской армии заставило эту последнюю прекратить движение за Марну и повернуться фронтом к наступающим. При этом между первой армией, фон Клука, и соседней, второй армией, фон Бюлова, оказался известный разрыв, в который, хотя и с промедлением, устремились английские войска. Чтобы избежать

отрыва первой армии от остальных германских сил, немецкое командование в лице начальника генерального штаба Мольтке-младшего приказало Клуку и Бюлову начать отход на новые позиции. Отход этот совершался в относительном порядке, потери немцев были не столь уж велики, но тем не менее битва на Марне означала тяжелейшее поражение Германии. Германское наступление было приостановлено, а это приводило к провалу всего плана «молниеносного уничтожения французской армии».

Усилия германцев ещё раз повторить обход левого фланга французов закончились неудачей. Не удалась, впрочем, и встречная попытка французов в свою очередь обойти правый фланг немцев. Таким образом, взаимно маневрируя и пытаясь обойти друг друга, обе стороны растянули свой фронт к северу до самого морского побережья. Эти операции, получившие название «бег к морю», заняли остаток сентября и весь октябрь. К ноябрю 1914 г. от Альп до Па-де-Кале протянулась линия сплошного фронта. Обе стороны зарылись в траншеи, и война на западе приняла позиционный характер.

Главной причиной неудачи плана Шлиффена был недостаток сил: будь у немцев крупные резервы, события на Марне могли бы развиваться иначе, брешь между первой и второй армиями могла бы быть заполнена. Но резервы, которые могли помочь на Марне, пришлось незадолго до решающего сражения направить на восток, так как вопреки расчётам германского генерального штаба русская армия, не дожидаясь, пока завершится сосредоточение всех её сил, начала наступление на Восточную Пруссию.

Видя невозможность быстро ликвидировать противника на западе, немецкое командование решило в 1915 г. главный удар нанести России. Русская армия оказалась в тяжёлом положении. Между Вислой и Карпатами немцы сосредоточили сильную ударную группу при 642 орудиях, из них 160 тяжёлых. Этой артиллерийской массе русские могли противопоставить всего 105 орудий и притом только 6 тяжёлых. Но и эти ограниченные силы не имели должного количества боеприпасов; так, в гаубичных батареях суточный расход снарядов был определён в 10 выстрелов на батарею, в то время как у немцев в день атаки расходовалось по 700 снарядов на каждое лёгкое и по 250 на тяжёлое орудие. Русский фронт был прорван. Началось отступление русских войск, в результате которого им пришлось оставить русскую Польшу, Литву, часть Белоруссии, большую часть ранее занятой ими Галиции. Но русское командование вывело армию из уготованных ей немцами клещей, а затем стойкость русского бойца позволила остановить отступление противника. Немцам не удалось вывести Россию из строя.

Героическая борьба русской армии имела решающее влияние

на весь дальнейший ход войны. Приняв на себя основной удар германских войск, русские дали своим западным союзникам время для перестройки их мощной промышленности на производство вооружения и боеприпасов. Англия и Франция выиграли время на восстановление пробелов в своей боевой подготовке. Они создали недостававшую им тяжёлую артиллерию, накопили огромные запасы снарядов. Англия, которая в начале войны могла направить на фронт только 6 дивизий, поставила под знамёна и обучила миллионную армию. В кампанию 1916 г. уже явственно обозначился перелом в ходе войны. Немецкие попытки сокрушить французский фронт ударом по Вердену и англо-французское наступление на Сомме обнаружили, что превосходство германской армии отошло в прошлое. Союзники располагали теперь абсолютным превосходством в людях и производственных возможностях. Русская же армия не только уцелела, но и сохранила свою способность к наступательным действиям большого размаха. Наступление Брусилова в мае 1916 г. было самой блестящей операцией из всех, проведённых армиями Антанты. Брусилов обогатил военную науку новыми приёмами прорыва фронта. Брусиловский прорыв оживил великие традиции русской армии—традиции Суворова и Кутузова.

Если бы союзники обнаружили больше солидарности и согласованности действий, то, как утверждает в своих мемуарах английский премьер-министр Ллойд Джордж, Германия могла бы быть разбита уже в 1916 г. Брусиловский прорыв не мог быть полностью развит и использован за недостатком средств, и это в то время, когда у союзников на Западном фронте имелись огромные неиспользованные запасы артиллерии, снарядов и пр.

Германское правительство к концу 1916 г. начало сознавать, что Германия заходит в безвыходный тупик, и принялось за «мирные манёвры». После захвата Бухареста и разгрома Румынии оно, щеголяя своей новой «победой», выступило в декабре 1916 г. с предложением начать переговоры о мире. Немецкое правительство рассчитывало, что за столом мирной конференции оно сумеет внести раскол в ряды союзников и этим избавиться от одного из фронтов. Весь последующий год заполнен попытками завязать мирные переговоры. Это свидетельствовало о том, что силы Германии слабеют, и никто из её противников не поддался на эту удочку.

В 1917 г. немцы не пытались наступать. Единственное исключение составлял итальянский фронт, где осенью они обратили в паническое бегство итальянскую армию. Впрочем, поражение и бегство слишком обычны для итальянской армии, чтобы немцы могли это счесть за серьёзное достижение. В феврале 1917 г. немцы попытались задушить Англию подводной блокадой. Но и этот их план успеха не имел. Подводная война только ускорила выступление США, которые уже давно готовились к борьбе

против империалистических устремлений Германии. Положение Германии становилось безнадежным.

7 ноября 1917 г. в России произошла Великая социалистическая революция. Молодой Советской республике необходимо было время, чтобы укрепиться. «...нельзя было считать положение советской власти вполне упроченным, пока Россия находилась в состоянии войны с Германией и Австрией»¹. В декабре 1917 г. было подписано перемирие. Советское правительство тщательно оговорило в условиях перемирия, что до подписания мира Германии возбраняется переброска войск с Восточного фронта на запад, но немецкое правительство не выполнило этого обязательства, а у Советской России зимой 1917/18 г. не было достаточных сил, чтобы заставить немцев соблюдать подписанные ими условия. Военные действия прекратились и начались переговоры о мире. Во время этих переговоров выяснилось, что германские империалисты рассчитывают захватить русскую Польшу, Украину, часть Белоруссии и прибалтийские страны.

Советская республика находилась в тяжёлой обстановке. Народное хозяйство было разрушено, фронт разваливался, народ устал от войны. Нужно было пойти на самые тяжкие условия мира, отступить перед хищническим германским империализмом, чтобы спасти Советскую республику.

Но предатель Троцкий, стоявший во главе советской делегации, несмотря на категорические распоряжения Ленина и Сталина от имени ЦК партии о подписании мирного договора, заявил немцам, что Советская республика на предложенных Германией условиях мира подписывать не будет, но и войны не продолжает.

Германские империалисты использовали предательство Троцкого. Учитывая, что Советское государство ещё не успело создать сильной армии, они в феврале 1918 г. вероломно нарушили договор о перемирии и возобновили наступление, захватив ряд новых районов России. Советское правительство бросило клич: «Социалистическое отечество в опасности». Началось быстрое формирование советской армии. Первые её части дали отпор немецким оккупантам под Нарвой и Псковом. В этот день—23 февраля—в борьбе с германским империализмом родилась Красная Армия.

Предательство Троцкого помогло немцам навязать нам ещё более тяжёлые условия мира, чем это предполагалось первоначально. По мирному договору, подписанному в марте 1918 г., Прибалтика отходила к Германии, Украина отторгалась от Советской России и превращалась в вассальное немецкое государство. Советская республика вынуждена была платить контрибуцию. Оккупированные области немцы подвергли беспощадному ограблению, стремясь

¹ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 205.

выкачать у населения всё, что возможно. Они установили ~~там~~ режим террора. Армия кайзера чинила чудовищные насилия в оккупированных ею областях.

Волна народного гнева поднялась против немцев. В марте 1918 г. товарищ Сталин провозгласил великий лозунг: «Отечественная война против оккупантов!» Немцам пришлось держаться на Украине, в Белоруссии и других оккупированных советских областях до 50 дивизий. Между тем, на Западе приближалась развязка.

В начале 1918 г. немцы достигли на западном фронте такого положения, которого они тщетно добивались за всё время войны: хотя и временно, но они значительно умерили численный перевес сил Антанты.

Людендорф, фактический руководитель операций германской армии, торжествовал. Он рассчитывал, что теперь ему удастся разбить англо-французов, а затем «завоевать» Россию и свергнуть советскую власть.

Но Людендорф понимал и другое. Он знал, что к лету на Западный фронт начнёт прибывать армия Соединённых Штатов и тогда борьба с Антантой станет безнадёжной. Итак, сейчас или никогда. Либо германская армия, используя временное уравнивание сил, должна успеть до лета разбить Англию и Францию, либо она сама будет разбита. Людендорф видел те краткие сроки, в течение которых военно-политическая обстановка давала, как ему казалось, шансы на победу. В течение нескольких месяцев он должен был бросить в игру все наличные средства. Он должен был играть ва-банк.

Генеральное наступление на англо-французском фронте началось 21 марта 1918 г. По одному из участков этого фронта ударил таран из 62 дивизий при 6 800 орудиях и тысяче самолётов. Вначале немцы имели успех, но у них нехватило резервов для развития его. 9 апреля немцы повторили удар на другом участке англо-французского фронта. Они потрясли его, но не сломили. В течение мая пришлось передохнуть: войска были истощены до предела. 27 мая последовал третий удар. Оставалось уже совсем мало времени до прибытия американцев. 15 июля последовало новое наступление. Но эти кровавые боины были уже только дикими конвульсиями исходящей кровью германской армии. Стратегический результат их был равен нулю.

В этот самый момент началось давно подготовлявшееся контр-наступление Антанты. Оно было направлено против германского клина, вбитого от реки Эн к Марне. Из леса Виллер-Коттрэ тогдашний главнокомандующий союзными армиями Фош неожиданно бросил во фланг германцев свои резервы. Фош отказался от предварительной артиллерийской подготовки, заменив её огневым валом, в силу

чего им была достигнута полнейшая внезапность наступления. Пехоте сопровождали 230 танков. Наступление велось в тесном взаимодействии с авиацией. Это были новые методы войны, немцам недоступные, ибо в новых средствах войны они безнадежно уступали Антанте. Инициатива перешла к союзникам. Германскому командованию пришлось отказаться от мысли о новом наступлении.

8 августа 1918 г. англичане и французы атаковали германцев между реками Анкром и Авром, близ Амьена. Пехоте предшествовали танки. Это была операция, в которой танки сыграли едва ли не решающую роль. Вместе с тем это была первая операция, в которой ярко проявлялось давно нараставшее разложение германской армии. Отступавшие германские солдаты, встречая шедшие им на смену резервы, кричали последним: «штрейкбрехеры», «затягиватели войны». Людендорф назвал 8 августа «самым чёрным днём германской армии». 14 августа Гинденбург доложил императору, что германская армия не в состоянии победить врага и, следовательно, необходимо предпринимать дипломатические шаги для достижения мира.

В это время Фош теснил германцев то там, то здесь, не давая им ни минуты передышки. 2 сентября германское командование отдало приказ об отходе на заранее подготовленную оборонительную линию в тылу немецкой армии. Сентябрь прошёл в сравнительном затишье, пока 26 сентября не началось генеральное наступление союзников на всём фронте. Германская армия стала медленно, но неудержимо откатываться назад.

В ночь с 4 на 5 октября германское правительство обратилось к президенту Соединённых Штатов с просьбой о перемирии. Таким образом, после множества «побед» «непобедимая» германская армия была разбита. Она оказалась неспособной продолжать войну, и Людендорф, этот ярый сторонник войны, стал требовать скорейшего заключения мира.

7 ноября 1918 г. в Компьенский лес, в ставку маршала Фоша, прибыла германская делегация. 11 ноября там было подписано перемирие между Германией и её противниками, а 28 июня 1919 г. в Версальском дворце был подписан мирный договор. Тяжёлые условия мира были той ценой, которую пришлось уплатить Германии за неуёмную алчность своих правителей, ввергших страну в безумную авантюру.

«Непобедимость» германской армии оказалась мифом, который тщетно пытаются оживить современные фашистские власти. «История показывает,—говорит товарищ Сталин,—что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она

несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками».

Первая мировая война обошлась приблизительно в 10 миллионов человеческих жертв, не считая 6—7 миллионов тяжко изувеченных, калек. К этому надо добавить умерших от голодовки, от инфекционных болезней, принесённых войной, и многие другие жертвы войны. Германия потеряла около 2 миллионов только убитыми. Огромные области западной России, Бельгии, восточной Франции были превращены в пустыню. Расходы на войну иллюстрируются цифрами государственной задолженности: государственный долг Англии за время войны возрос приблизительно на 33 миллиарда американских долларов, Франции—на 24 миллиарда, Италии—на 11 миллиардов, Германии—на 37 миллиардов.

V

ГЕРМАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Вслед за поражением в войне в Германии произошла буржуазная революция. Она была очень «слаба». «Но всё же это была революция, Вильгельм был свергнут, рабочие вырвались из цепей»². В 1919 г. Учредительное собрание, заседавшее в Веймаре, приняло республиканскую конституцию. Монархия пала, но монополистический финансовый капитал полностью сохранил свои позиции. Сохранилось и помещичье землевладение. Рейхсвер—так стала называться небольшая наёмная армия, которую Германии разрешалось иметь по условиям мирного договора,—стал цитаделью, в которой юнкерская военная каста могла отсидеться в ожидании лучших времён. Рейхсвер помог сохранить офицерские кадры, что в дальнейшем способствовало восстановлению военной мощи германского империализма.

Слабость германской революции в очень большой мере объясняется тем, что в отличие от русского германский рабочий класс к тому времени ещё не успел создать коммунистическую партию и большая часть германских рабочих оставалась в плену социал-демократической идеологии.

Как ни слаба была буржуазная революция 1918 г., бесследно она не прошла. Рабочее движение значительно усилилось, начался рост коммунистической партии. В этом факте германский империализм усматривал самую страшную для себя опасность. При том мораль-

¹ И. Сталин, О Великой отечественной войне Советского Союза, изд. 3-е, стр. 8.

² «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 221.

но-политическом банкротстве, которое в результате позорного поражения понёс весь аппарат старого кайзеровского режима, германский монополистический капитал, а объективно и юнкерство своё спасение искали у социал-демократии. Социал-демократическая партия, являясь опорой германского империализма, была, однако, вынуждена в известной мере считаться с настроением народных масс. Она не могла не учитывать, что они устали от войны. Отсюда тот поток пацифистских фраз, который начинают извергать правители Веймарской республики во главе с социал-демократами. Это не мешало им подавлять революционное рабочее движение. Когда в начале 1919 г. молодая компартия Германии (бывшая группа «Спартак») попыталась организовать восстание, оно было подавлено старым офицерством в сотрудничестве с вождями социал-демократии. Но матёрые германские реакционеры, пользуясь услугами социал-демократов, тосковали по кайзеру, по «великому прощлому», сожалели, что не является новый Бисмарк.

В послевоенные годы германский империализм чрезвычайно усилил свои экономические позиции внутри страны. Во время войны в Германии ускорилась концентрация производства, форсированная вмешательством государственной власти. Послевоенная инфляция также содействовала этому. Германский капитализм, всегда отличавшийся высокой степенью концентрации производства, поднялся в этом отношении на ещё более высокую ступень. В дальнейшем, с 1924 г., в Германию устремляется поток иностранного капитала, главным образом американского и английского. К концу 1928 г. в Германии было помещено иностранных капиталов на сумму до 14 миллиардов марок золотом. Одних лишь займов до 1928 г. было заключено до 6½ миллиардов марок. Кроме того иностранный капитал в Германию приливал ещё посредством покупки недвижимости и акций немецких предприятий. Таким путём в Германию за то же пятилетие было ввезено около 7 500 миллионов марок. С помощью этих капиталов немецкие капиталисты с 1924 по 1929 г. обновили оборудование своих предприятий, особенно в тяжёлой промышленности. Таким образом война 1914—1918 гг., инфляция и, наконец, приток иностранных капиталов чрезвычайно усилили в Германии роль монополистического капитала. Увеличилось могущество немецкой плутократии.

В условиях безработицы, массового разорения мелкой буржуазии, снижения жизненного уровня интеллигенции магнаты монополистического капитала приумножали свои миллиардные состояния.

Не в убытке было и юнкерство. Оно уплатило обесцененными бумажками вековые долги своих промотавшихся предков.

Мало-помалу германский империализм приходил в себя от той экзекуции, которую ему учинила Антанга в 1918 г. Его представители всё чаще и чаще задумывались о подготовке реванша.

несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками»¹.

Первая мировая война обошлась приблизительно в 10 миллионов человеческих жертв, не считая 6—7 миллионов тяжко изувеченных, калек. К этому надо добавить умерших от голодовки, от инфекционных болезней, принесённых войной, и многие другие жертвы войны. Германия потеряла около 2 миллионов только убитыми. Огромные области западной России, Бельгии, восточной Франции были превращены в пустыню. Расходы на войну иллюстрируются цифрами государственной задолженности: государственный долг Англии за время войны возрос приблизительно на 33 миллиарда американских долларов, Франции—на 24 миллиарда, Италии—на 11 миллиардов, Германии—на 37 миллиардов.

V

ГЕРМАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Вслед за поражением в войне в Германии произошла буржуазная революция. Она была очень «слаба». «Но всё же это была революция, Вильгельм был свергнут, рабочие вырвались из цепей»². В 1919 г. Учредительное собрание, заседавшее в Веймаре, приняло республиканскую конституцию. Монархия пала, но монополистический финансовый капитал полностью сохранил свои позиции. Сохранилось и помещичье землевладение. Рейхсвер—так стала называться небольшая наёмная армия, которую Германии разрешалось иметь по условиям мирного договора,—стал цитаделью, в которой юнкерская военная каста могла отсидеться в ожидании лучших времён. Рейхсвер помог сохранить офицерские кадры, что в дальнейшем способствовало восстановлению военной мощи германского империализма.

Слабость германской революции в очень большой мере объясняется тем, что в отличие от русского германский рабочий класс к тому времени ещё не успел создать коммунистическую партию и большая часть германских рабочих оставалась в плену социал-демократической идеологии.

Как ни слаба была буржуазная революция 1918 г., бесследно она не прошла. Рабочее движение значительно усилилось, начался рост коммунистической партии. В этом факте германский империализм усматривал самую страшную для себя опасность. При том мораль-

¹ И. Сталин, О Великой отечественной войне Советского Союза, изд. 3-е, стр. 8.

² «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 221.

но-политическом банкротстве, которое в результате позорного поражения пошёл весь аппарат старого кайзеровского режима, германский монополистический капитал, а объективно и юнкерство своё спасение искали у социал-демократии. Социал-демократическая партия, являясь опорой германского империализма, была, однако, вынуждена в известной мере считаться с настроением народных масс. Она не могла не учитывать, что они устали от войны. Отсюда тот поток пацифистских фраз, который начинают извергать правители Веймарской республики во главе с социал-демократами. Это не мешало им подавлять революционное рабочее движение. Когда в начале 1919 г. молодая компартия Германии (бывшая группа «Спартак») попыталась организовать восстание, оно было подавлено старым офицерством в сотрудничестве с вождями социал-демократии. Но матёрые германские реакционеры, пользуясь услугами социал-демократов, тосковали по кайзеру, по «великому прошлому», сожалели, что не является новый Бисмарк.

В послевоенные годы германский империализм чрезвычайно усилил свои экономические позиции внутри страны. Во время войны в Германии ускорилась концентрация производства, форсированная вмешательством государственной власти. Послевоенная инфляция также содействовала этому. Германский капитализм, всегда отличавшийся высокой степенью концентрации производства, поднялся в этом отношении на ещё более высокую ступень. В дальнейшем, с 1924 г., в Германию устремляется поток иностранного капитала, главным образом американского и английского. К концу 1928 г. в Германии было помещено иностранных капиталов на сумму до 14 миллиардов марок золотом. Одних лишь займов до 1928 г. было заключено до 6½ миллиардов марок. Кроме того иностранный капитал в Германию приливал ещё посредством покупки недвижимости и акций немецких предприятий. Таким путём в Германию за то же пятилетие было ввезено около 7 500 миллионов марок. С помощью этих капиталов немецкие капиталисты с 1924 по 1929 г. обновили оборудование своих предприятий, особенно в тяжёлой промышленности. Таким образом война 1914—1918 гг., инфляция и, наконец, приток иностранных капиталов чрезвычайно усилили в Германии роль монополистического капитала. Увеличилось могущество немецкой плутократии.

В условиях безработицы, массового разорения мелкой буржуазии, снижения жизненного уровня интеллигенции магнаты монополистического капитала приумножали свои миллиардные состояния.

Не в убытке было и юнкерство. Оно уплатило обесцененными бумажками вековые долги своих промотавшихся предков.

Мало-помалу германский империализм приходил в себя от той экзекуции, которую ему учинила Антанта в 1918 г. Его представители всё чаще и чаще задумывались о подготовке реванша.

Социал-демократия не подходила для того, чтобы возглавить это дело. Нужно было искать какие-то другие политические средства. На этой потребности монополистического капитала и юнкерства и сделал свою карьеру Гитлер.

VI

ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ

Война, кризисы и инфляции вознесли немецкую плутократию на невиданную высоту, приумножив её богатство, а вместе с ним и её власть.

Но эти же самые причины вызвали и другие перемены в социальном строе Германии.- Понизился жизненный уровень рабочего класса, безработица стала хронической, а временами достигала прямо-таки катастрофических размеров. Так, в декабре 1923 г. 28% членов профсоюзов были безработными, 42% были заняты неполное рабочее время и только 30% работали нормально. Происходила массовая пролетаризация мелкой буржуазии. Германия превратилась в страну с едва ли не наибольшим процентом пролетарского населения.

Все эти явления означали, что хотя экономическая мощь монополистического капитала и возросла, но зато социальная база германского империализма после первой мировой войны сузилась.

В 1929 г. в капиталистическом мире разразился экономический кризис, который ещё более осложнил внутреннее положение Германии. В 1932 г. производство немецкой промышленности упало до 59,8% от уровня 1929 г. Безработица охватила до 5,5 миллиона человек. Тяжёлые лишения усиливали недовольство трудящихся. «Недовольство перерастало в революционное возмущение рабочего класса»¹. На выборах 1932 г. компартия получила 6 миллионов голосов. Социал-демократическая партия, служившая опорой Веймарской республики, неуклонно теряла своё влияние на рабочие массы.

Ещё быстрее таяли ряды сторонников умеренных буржуазных партий, так называемых «срединных партий» (миттельпартайен). Из них только католическая «партия центра» более или менее сохраняла своё влияние благодаря помощи со стороны церкви. Зато быстро возрастало влияние партий крайней реакции, отвергавших Веймарскую республику, парламентаризм и демократию. То были партия германских националистов и особенно так называемая национал-социалистическая партия. Эта агентура плутократии сумела привлечь на свою сторону шовинистическую мелкую буржуазию

¹ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 288.

и отсталую часть рабочих, поверивших, будто во всех их бедах повинны Версальский мир, республика да евреи.

Партия националистов была организацией, объединявшей значительную часть магнатов тяжёлой промышленности, юнкеров и кулачество. Лидером её с 1928 г. был Гугенберг, представитель тяжёлой промышленности. Программа партии заключалась в реставрации старой монархии. Влияние националистов усиливалось по мере того, как слабели срединные партии, но всё же большого прироста числа её сторонников не наблюдалось.

Усиление лагеря крайней реакции происходило главным образом за счёт национал-социалистской партии, руководимой Гитлером. Эта партия ставила своей задачей установление фашистской диктатуры, кровавую расправу с рабочими, уничтожение буржуазной демократии и, наконец, подготовку к войне.

С самых первых шагов своей политической карьеры Гитлер принялся за пропаганду агрессии. Мировое владычество немецкого империализма было основой всех его замыслов. Ненависть к русскому народу и к Советскому Союзу как главному препятствию на пути германской агрессии являлась естественным результатом этой политики. Запугивание немецкого обывателя и буржуазии западных демократических стран призраком пролетарской революции и призывы к «крестовому походу» против большевизма служили главным агитационным приёмом в деле маскировки германской агрессии. В качестве основной предпосылки успеха рассматривалось восстановление вооружённых сил Германии.

Для достижения поставленных целей Гитлер не пренебрегал никакими способами и приёмами. Бесчестная политическая игра считается Гитлером необходимым методом всякой политики. Наглый отказ от собственного слова не вызывает у него смущения. Раушнинг в своей книге о Гитлере передаёт слова фюрера, произнесённые им в интимном кругу: «Нет никакого торжественного пункта, который рано или поздно не был бы разорван или не превратился бы в пустышку... Почему не предоставить противнику возможности подписать ненужные бумажки и обеспечить себе выгоду этих соглашений, если противники заявляют, что они удовлетворены, и если они воображают, что они что-то урегулировали? Почему я сегодня не должен подписывать соглашений и спокойно не отказываться от них завтра? Безусловно я подпишу любую бумажку, это мне не мешает действовать в нужный момент так, как я буду считать необходимым». Гитлер скоро показал это на практике. В июне 1941 г. он вероломно нарушил пакт с Советским Союзом о ненападении и бросил свои озверелые полчища против СССР. Гитлер—лживый, прожжённый политический интриган, одновременно и наглый и трусливый, впадающий в истерику при неудачах.

Чтобы понять, каким образом эта гнусная личность могла оказаться у власти, нужно вспомнить ряд обстоятельств. Они связаны как с немецким прошлым, так и с условиями современной Гитлеру Германии.

Гитлеризм в Германии—не случайное наносное явление. Он имеет исторические корни. Он вырос из шовинистического угара, удушающий запах которого заполнял ещё кайзеровскую Германию. После первой мировой войны в Германии происходило разорение многих, когда-то зажиточных и «достопочтенных» буржуазных семейств, массы рабочих и интеллигентов безработица превращала в босьяков. Худшая часть этих элементов и составила армию приверженцев Гитлера. Им нужно было знать, кто виновник их бедствий. Гитлер отвечал: виновата Антанта, навязавшая Версальский мир и выкачивающая репарации; виновата республика, подписавшая этот мир; виноваты евреи, отбивающие хлеб у немцев. А посему—готовься к войне-реваншу, а посему—бей евреев. И то и другое легко входило в ограниченные мещанские головы, с малолетства приученные к мысли, будто Германия превыше всего и немцы—лучше всех на свете. Всё это мракобесие «обосновывалось» расовой «теорией».

Гитлеризм нельзя отождествлять с немецким народом. Но гитлеровцам удалось развратить значительную часть немецкого населения, и поэтому их нельзя рассматривать как клику, не имеющую никакой почвы. Гитлеризм—порождение германского империализма, самого разбойничьего и самого агрессивного. Гитлеровцы—крайне реакционные представители этого империализма.

Название гитлеровской партии—«национал-социалисты». Но это название совершенно не отражает истинной сущности фашистской партии. Оно преследует цель обмана масс. Партия «национал-социалистов» на деле не является ни национальной, ни социалистической. Это партия империалистическая и антинациональная. Она служит реакционнейшей плутократии монополистического капитала.

«Можно ли считать гитлеровцев *националистами?*—говорит товарищ Сталин.—Нет, нельзя. На самом деле гитлеровцы являются теперь не националистами, а *империалистами*. Пока гитлеровцы занимались собиранием немецких земель и воссоединением Рейнской области, Австрии и т. п., их можно было с известным основанием считать националистами. Но после того, как они захватили чужие территории и поработили европейские нации—чехов, словаков, поляков, норвежцев, датчан, голландцев, бельгийцев, французов, сербов, греков, украинцев, белоруссов, прибалтов и т. д. и стали добиваться мирового господства, гитлеровская партия перестала быть националистической, ибо она с этого момента стала партией империалистической, захватнической, угнетательской.

Партия гитлеровцев есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира»¹.

Гитлеровцы никогда не имели ничего общего с социализмом. Ещё в 1923 г. Гитлер называл «возмутительным и чепуховым» отрицание частной собственности. В аграрной программе нацистов, опубликованной в 1930 г., говорится: «Что касается величины сельскохозяйственных участков, то здесь регулирование по той или иной схеме невозможно. С точки зрения роста народонаселения важнее всего большое число жизнеспособных мелких и средних крестьянских хозяйств. Но наряду с ними крупное хозяйство тоже выполняет свои особые необходимые задачи и имеет право на существование».

Гитлер презирает рабочих. «Широкая рабочая масса,—заявил он,—не желает ничего кроме хлеба и зрелищ, ей недоступны какие-либо идеалы». Предприниматели, по его словам, есть представители лучших слоёв расы, «они дают хлеб рабочим», «они имеют право на руководство». Но самым лучшим доказательством того, что гитлеровцы—не социалисты, являются их дела—если только это положение вообще нуждается в доказательстве. За время хозяйничанья фашистов прибыли немецких плутократов достигли небывалой высоты.

«Можно ли считать гитлеровцев *социалистами*? Нет, нельзя. На самом деле гитлеровцы являются заклятыми врагами социализма... И если эти оголтелые империалисты и злейшие реакционеры всё ещё продолжают рядиться в тогу «националистов» и «социалистов», то это они делают для того, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть флагом «национализма» и «социализма» свою разбойничью империалистическую сущность»².

Нацисты—партия средневекового мракобесия. Гитлер в своей книге «Моя борьба» прямо заявляет, что «излишнее» образование и высокая интеллигентность вредны. «Да здравствует необразованность»,—таков лозунг гитлеровской партии.

В 1923 г., в разгар политического и инфляционного кризиса, потрясшего Германию, Гитлер вкупе с генералом Людендорфом попытался совершить фашистский переворот. 8 ноября 1923 г. в большом зале знаменитой мюнхенской пивной «Бюргерброй» выступил глава баварского правительства фон Кар, монархист и ставленник рейхсвера. В противоположность Гитлеру Кар не желал немедленно порывать с республикой. Гитлер с бандой штурмовиков ворвался в зал во время речи Кара, арестовал его, равно как и коман-

¹ И. Сталин, О Великой отечественной войне Советского Союза, изд. 3-е, стр. 24—25.

² Там же, стр. 25—26.

дующего мюнхенскими частями рейхсвера генерала фон Лоссова, и тут же в соседней комнате, грозя револьвером, предложил им совместно с ним и с Людендорфом составить новое правительство. Испугавшись, оба нехотя согласились. Это был известный «пивной путч» Гитлера.

На другой день Гитлер и Людендорф с отрядом штурмовиков пытались занять важнейшие пункты города, но это им не удалось. Произошло столкновение с полицией, завязалась перестрелка, и отряд штурмовиков был рассеян. Всё это было сделано Гитлером без согласия его тогдашних хозяев, руководителей рейхсвера, и поэтому заранее было обречено на неудачу. Гитлер, испугавшись последствий затеянных им дел, скрылся из города, а Людендорф был захвачен полицией. После этого путча наступило временное охлаждение между гитлеровцами и рейхсвером.

Гитлер, уже и раньше получавший деньги от многих фабрикантов, теперь более тесно связался с ними. Его поддерживали такие столпы рейнско-рурской тяжёлой промышленности, как Тиссен, Крупп, Эмиль Кирдорф, кёльнский банкир Шредер и др. Гитлеровская партия является представителем интересов реакционнейших элементов монополистического капитала.

Усиление немецкого фашизма не было случайностью. Углубление общего кризиса капитализма преисполнило реакционные круги буржуазии паническим страхом перед революцией. Они приходили к выводу, что режим буржуазной демократии даёт народным массам слишком много свободы, что, для того чтобы предупредить возможность революционных волнений, необходимо перейти к террористическим методам управления. Итак, «победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Её надо рассматривать также, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления»¹. В Германии буржуазная демократия и парламентаризм не имели таких традиций, какие они имеют в Англии, Америке или во Франции, и это, конечно, способствовало победе фашизма в Германии. Победа фашизма была облегчена особо реакционным, юнкерски-буржуазным характером германского империализма.

Общий кризис капитализма побуждал реакционную буржуазию искать выхода в новой империалистической войне. И это стремление наиболее сильно сказалось опять-таки именно в Германии. Германский империализм жаждал реванша за 1918 г. и по мере вос-

¹ *И. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 430.

становления своих сил обретал свою прежнюю исключительную агрессивность. Подготовка новой войны за мировое господство в свою очередь толкала Германию к ликвидации буржуазной демократии и установлению неограниченной диктатуры реакционной империалистической буржуазии. По мнению наиболее реакционных кругов, это могло облегчить мобилизацию всех ресурсов страны, для того чтобы поставить их на службу предстоящей захватнической войне.

Вскоре после того как разразился экономический кризис 1929 г., в лагере сторонников Веймарской республики наступил полный развал. Социал-демократический кабинет Германа Мюллера, который стоял у власти с 1928 г., обнаружил полную неспособность и нежелание вести решительную борьбу против фашистов. Буржуазные партии, поддерживавшие республику («народная партия» и демократическая), очень ослабли и тоже не проявляли воли к отпору фашизму. Только компартия вела действительно смелую и последовательную борьбу, но её усилия тормозились тем, что вследствие противодействия социал-демократических вождей не удавалось добиться солидарных действий с социал-демократической партией, за которой всё ещё шли значительные массы рабочих. Срывая образование народного антифашистского фронта, социал-демократия способствовала победе фашизма.

В условиях разложения в лагере буржуазных и социал-демократических сторонников республики чрезвычайно усилилась власть президента. С 1925 г. этот пост занимал престарелый кайзеровский фельдмаршал фон Гинденбург. Самый факт избрания Гинденбурга был показателем того, как быстро ожил немецкий шовинизм. В 1930 г. правительство Мюллера пало, и Гинденбург назначил канцлером одного из лидеров партии центра, Брюнинга. Брюнинг не имел большинства в рейхстаге. Он правил, опираясь на авторитет президента да на штыки рейхсвера. Брюнинг, в сущности, лишь прикрывал всё возрастающее влияние военщины. Эта маскировка была необходима немецкой плутократии и рейхсверу до тех пор, пока они не сочли возможным совсем порвать с рейхстагом и с социал-демократией. Однако ни кабинет Брюнинга, ни рейхсвер, ни президент не обладали достаточной силой, чтобы разрешить две задачи, которые ставили себе реакционнейшие элементы германского империализма,—подавление рабочего движения и мобилизацию всех сил страны на подготовку войны. К тому же Брюнинг был связан с демократическими элементами в рядах католиков и не освободился от известного тяготения к демократии. В 1932 г. он был уволен. Реакционные воротилы монополистического капитала и генералы рейхсвера во главе с Гинденбургом стали готовиться к дальнейшим мерам по ликвидации парламентской демократии и организации неограниченной диктатуры бур-

жуазии. Кончилось тем, что 30 января 1933 г. Гинденбург назначил канцлером главу немецких фашистов Адольфа Гитлера.

Экономический кризис 1929 г. и щедрые субсидии немецких плутократов ускорили рост фашистской партии. Не легко далось Гинденбургу такое решение. Старому кайзеровскому фельдмаршалу претил выскочка и проходимец, которого он как австрияка и за настоящего немца-то не признавал. Всего охотнее Гинденбург назначил бы канцлером какого-либо генерала или монархиста-юнкера и правил бы через него, — опираясь на рейхсвер и не считаясь с рейхстагом. Но практически это оказывалось невозможным. Такое правительство не имело бы необходимой опоры. Гитлер же располагал партией, которую поддерживали реваншистски настроенные мелкобуржуазные массы Германии. Попытавшись несколько раз установить военную диктатуру и при этом обойтись без национал-социалистов, Гинденбург кончил тем, что назначил Гитлера канцлером. В Германии водворилась фашистская диктатура, т. е. диктатура «наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов капитализма»¹. Вскоре Гинденбург умер. После его смерти Гитлер провозгласил себя германским «фюрером», захватив и функции президента.

Придя к власти, Гитлер учинил жестокую расправу над всеми своими политическими противниками. Он начал с коммунистической партии и вообще с рабочих организаций. Чтобы создать предлог для этой расправы, гитлеровцы подожгли рейхстаг и попытались свалить ответственность за это на коммунистов. Гитлер уничтожил парламент. Он разогнал все политические партии, кроме фашистской, ликвидировав всякие признаки демократии. Гитлеровские банды бесновались на улицах городов. Жуткий террор воцарился в Германии. Каждую ночь штурмовики и эсэсовцы хватили противников фашизма и бросали их в тюрьмы, где подвергали средневековым пыткам. На площадях запылали костры. Гитлеровцы жгли книги, — эти веками накопленные сокровища культуры. Гитлеровцы издевались над наукой. Они выгоняли из университетов лучших профессоров. Учёные с мировым именем, как, например, физик и математик Эйнштейн, должны были бежать за границу. По стране прокатилась волна варварских еврейских погромов. Гонениям подверглась католическая церковь. Тысячи священников были арестованы; многие из них казнены. Гитлеровцы приступили к массовой стерилизации не угодных им людей. 30 июня 1934 г. Гитлер уничтожил всех своих соперников и противников внутри партии. В числе убитых был его давний соратник Рем. Тюрьмы не вмещали арестованных, появились концентрационные лагеря, в которых царили пытки, голод, непосильный труд, издевательство над человеческой личностью.

¹ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр.: 288.

Уровень жизни народных масс быстро падал. Началось снижение зарплаты. Была введена обязательная трудовая повинность для безработных и молодёжи. Резко ухудшилось снабжение населения продуктами питания. Гитлеровцы выбросили лозунг: «Пушки вместо масла». Все ресурсы страны были направлены на подготовку новой империалистической войны.

Фашистские главари Гитлер, Геринг, Геббельс и др., вставшие у кормила правления, вскоре превратились в миллионеров и сами стали плутократами.

Наряду с материально-технической подготовкой к войне фашисты развернули пропагандистскую обработку молодёжи. Гитлер заявил: «Мы вырастим молодёжь, перед которой мир содрогнётся... Так я хочу. Я желаю, чтобы она напоминала молодых диких зверей». И Гитлеру в значительной степени удалось это сделать.

Большая часть разогнанных Гитлером политических партий не оказала ему серьёзного сопротивления. Коммунистическая партия представляла исключение. Она сумела создать нелегальную организацию, которая в глубоком подполье продолжает борьбу против фашизма. Она стремится объединить вокруг себя все враждебные фашизму прогрессивные силы германского народа и направить их на уничтожение гитлеризма.

VII

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Придя к власти, Гитлер немедленно приступил к подготовке новой империалистической войны. Для этого надо было прежде всего создать мощные вооружённые силы.

В ту пору работала международная конференция по разоружению. В течение долгого времени германское правительство добивалось на этой конференции легализации вооружения Германии. Попытки эти оставались безрезультатными. Тогда Гитлер заявил, что Германия отказывается принимать участие в работе конференции. Ясно было, что немецкие фашисты намерены вооружаться явочным порядком. Это означало срыв всего дела разоружения, так как ни одна держава не могла разоружиться, когда Германия усиливала свои вооружения. В 1933 г. Германия порвала и с Лигой наций, которая служила некоторой помехой агрессивным замыслам Гитлера.

Одновременно с этим гитлеровцы развернули антисоветскую кампанию. Они пытались убедить буржуазию Англии и Франции, будто агрессия германского фашизма направлена только против СССР и западные страны приглашаются принять участие в «крестовом походе против большевизма» в качестве желанных союзников Германии.

Далеко не все представители западной буржуазии верили этому обману, так как политика Гитлера была шита белыми нитками и не требовалось особенной проницательности, чтобы понять, чего он хочет. Гитлеру нужно было посеять рознь в среде своих возможных противников, накопить силы и бросить их сначала на того, кто окажется менее других подготовленным к отпору.

В числе хорошо понимавших истинный смысл гитлеровской политики, а значит и одним из наиболее опасных для Гитлера деятелей буржуазных стран, был французский министр иностранных дел Луи Барту. Это был человек очень консервативных, даже реакционных убеждений. Он не любил коммунистов и не питал никакого пристрастия к советской власти. Но Барту разгадал игру Гитлера. Для него было ясно, что первой жертвой Германии скорее будет Франция, чем СССР. Он считал, что прочное обеспечение безопасности Франции может быть достигнуто лишь посредством всемерного усиления её вооружённых сил и тесного союза между всеми странами, находящимися под угрозой нападения со стороны Германии. Барту было ясно также, что наибольшее значение для Франции имеет союз с СССР, как с обладателем мощной сухопутной армии на европейском континенте.

Гитлеровцы решили уничтожить Барту. В октябре 1934 г. он был убит. Это был далеко не единственный случай расправы гитлеровцев с неугодными им людьми. Летом 1934 г. германский фашизм сделал попытку захватить Австрию. Здесь у Гитлера имелась многочисленная «пятая колонна» в лице австрийской нацистской партии. Захват решено было провести силами этой «пятой колонны». Австрийские нацисты учинили путч, при этом был убит австрийский канцлер католик Дольфус.

Однако захватить Австрию гитлеровцам на этот раз не удалось. Этому воспротивилась Италия, которая в те годы хорошо понимала, как опасно допускать германский империализм к своим границам. Стремясь сохранить Австрию в качестве буфера между собой и Германией, Италия в ответ на немецкое покушение на Австрию мобилизовала свои войска и двинула их к границе. Почуввав опасность, Гитлер трусливо ретировался.

Барту, конечно, был не единственным политиком западных государств, разгадавшим цель Гитлера. В числе таких дальновидных людей был и новый президент США Рузвельт, сменивший в 1933 г. на этом посту Гувера. Одной из важнейших забот Рузвельта было установление дипломатических отношений с СССР. Это было осуществлено в ноябре 1933 г. «Этот акт,—говорил товарищ Сталин на XVII съезде партии,—имеет серьёзнейшее значение во всей системе международных отношений»¹.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 437.

Во Франции преемники Барту одни не сумели с должной **настойчивостью** продолжать его политику, а другие, как, например, Лаваль, стали платными агентами Гитлера, предателями своей родины.

Как случилось, что такие гнусные уголовные типы, как Лаваль, могли пробраться к власти во Франции, в стране, народ которой истари славился своим патриотизмом?

Объясняется это страхом французской буржуазии перед собственным народом. В феврале 1934 г. французские фашисты попытались организовать путч. Но они встретились с могучим отпором со стороны широких масс французского народа, особенно рабочих. Грандиозные антифашистские демонстрации, всеобщая забастовка, в которой участвовало около 4 миллионов рабочих, и создание народного антифашистского фронта обнаружили силу рабочего класса и напугали реакционные слои буржуазии. Она встала на путь национального предательства, как это было в дни франко-прусской войны и Парижской Коммуны. Гитлер приобрёл во Франции сильную «пятую колонну», представителем которой и был Лаваль.

Деятельность фашистской агентуры облегчалась страхом обывателя перед опасностью новой войны и перед расходами и жертвами, связанными с военной подготовкой. Агенты фашизма заверяли избирателей, что с Гитлером можно договориться, что, уступив ему жирный кусок, можно обеспечить мир для Франции. Обыватель верил в это и, отдавая свой голос сторонникам соглашения с Германией, был убеждён, что таким путём он избавится от тягот войны. Многие французские политические деятели, так же как и обыватели, склонялись к этой политике «умиротворения» и становились на её платформу. Таков был, например, лидер радикалов Даладьё, впоследствии премьер Франции.

В январе 1935 г. в согласии с одним из пунктов Версальского договора состоялся плебисцит в Саарской области. Со времени Версальского мира эта область находилась под управлением Лиги наций. Плебисцит должен был дать ответ на вопрос, вернётся ли Саар в состав Германии.

Гитлер наводнил Саар фашистами; нацистские банды терроризировали население и добились того, что плебисцит был благоприятен для немцев. Представители Лиги наций, которые фактически контролировались Англией и Францией, не воспрепятствовали фашистскому террору и не обеспечили свободы голосозаания. Гитлер усыплял Англию и Францию заверениями, что Саар—это его единственная территориальная претензия на западе.

Почувыв безнаказанность, гитлеровское правительство решается на новое насилие. В марте 1935 г. оно самочинно аннулировало военные статьи Версальского трактата, ограничивавшие вооружённые силы Германии стотысячной наёмной армией, и обнародовало закон о восстановлении в Германии всеобщей воинской повинности. На пер-

вых порах Гитлер предполагал сформировать 36 дивизий. Позже стало известно, что, проводя эти мероприятия, он страшно боялся, как бы Франция не воспрепятствовала этому вооружённой силой. Он заранее обдумал пути отступления. Это доказывает, что энергичный отпор со стороны Франции не преминул бы оказать своё действие.

Но французское правительство ограничилось чисто словесными протестами. Оно готово было согласиться на вооружение Германии, при условии, что Гитлер не тронет Эльзаса и Лотарингии и не нападёт на Францию. Гитлер не скупился на подобные заверения и шумел о борьбе против большевиков.

Предатели, сидевшие во французском правительстве, готовы были этим удовлетвориться, но французский народ был глубоко встревожен возрождением военной мощи германского империализма. Он чувствовал, какая гроза надвигается на Францию. Французскому правительству под давлением народа пришлось заключить с Советским Союзом договор о взаимопомощи. Вслед за тем был заключён также договор между СССР и давней союзницей Франции Чехословакией. В случае нападения на Чехословакию СССР был обязан оказать ей вооружённую помощь при условии, что Франция тоже выступит на её поддержку.

Эти договоры могли стать серьёзной гарантией мира. Но большинство руководителей французской политики не намерено было выполнять франко-советский договор и постаралось затянуть его ратификацию.

Видя, что всё сходит с рук безнаказанно, гитлеровцы в марте 1936 г. ввели войска в Рейнскую область, которая по Версальскому договору была демилитаризована. Таким образом, германские войска были придвинуты к границам Франции. Через несколько месяцев, летом 1936 г., началась гражданская война в Испании. Гитлеровцы вкупе с итальянскими фашистами организовали интервенцию в Испании. Они рассчитывали при помощи Франко подготовить на Пиренеях новый фронт против Франции и перехватить средиземноморские коммуникации Франции и Англии. Хотя германская политика явно была направлена против англо-французских интересов, обе эти державы провозгласили принцип невмешательства в испанские дела. Фактически этот «принцип» свелся к тому, что они не препятствовали Германии и Италии помогать Франко.

В 1937 г. в Англии во главе правительства встал известный Невиль Чемберлен. Он с первых дней стал проводником капитулянтской политики непротивления агрессору и даже прямого потворства ему. Часто сменявшиеся французские правительства следовали по стопам Чемберлена.

Между тем немцы спешно формировали блок агрессоров, дого-

вариваясь с Италией и Японией. Блок этот был направлен против всех свободолюбивых народов, включая Англию и Францию, но тогдашние правители этих стран позволяли обманывать себя фашистскими разговорами об «антикоминтерновском пакте».

Германия продолжала быстро вооружаться, создавая огромную армию и довольно значительный военно-морской флот, особенно подводный. Развивались новые рода войск—бронетанковые силы и авиация. Большое внимание уделялось моторизации армии и обеспечению её автоматическим оружием. Проводились систематические мероприятия по военизации всего народного хозяйства, по накоплению огромных запасов стратегического сырья, по производству заменителей дефицитных видов его, в особенности синтетического горючего. Немецкая военная доктрина выработала теорию так называемой «тотальной» войны, т. е. войны, которая должна вестись не только армией, но и всеми силами страны при полном их напряжении, при широком использовании «пятой колонны» и не только против вооружённых сил противника, но и против всего его населения, включая стариков, женщин и детей. Жестокость в отношении мирных жителей является неизбежным составным элементом этой теории. Посредством варварских бомбёжек домов мирных жителей, массовых расстрелов, пыток и других мер немцы намеревались воздействовать на психику противника, разложить тыл, парализовать способность к сопротивлению обезумевших от страха людей. Немецкая стратегия ориентировалась на молниеносную войну. Новые средства наступления (танки, авиация) и подвижность армии, возросшая благодаря моторизации, давали немецкому командованию повод рассчитывать, что теперь станет возможным то, что не удалось в 1914 г.,—молниеносное сокрушение противника.

Хотя всему миру было ясно, что Германия лихорадочно готовится к большой захватнической войне, Чемберлен и его французские друзья почти игнорировали необходимость военной подготовки. Кредиты на неё отпускались скупно. Французские генералы рассчитывали, что будущая война долгое время будет позиционной и им удастся отсидеться за железобетонными сооружениями линии Мажино. Они недооценивали значения танков и авиации в предстоящей войне. Эти рода войск во Франции оказались безнадежно запущенными. В Англии в конце концов начали приниматься некоторые запоздалые меры для развития авиации. Были созданы качественно высокие, но количественно ничтожные военно-воздушные силы. Чемберлен питал иллюзии, что ему удастся заключить договор с Германией, по которому та обязалась бы ограничить свои воздушные вооружения. Чемберлен думал, что ему удастся откупиться от воздушного нападения на Британские острова, предав Гитлеру СССР и вообще всю Восточную Европу. Низость и мелочность

этих «хитростных» расчётов могут соперничать разве только с их наивностью.

Весной 1938 г. Гитлер захватил Австрию. Италия, будучи союзником Германии, на этот раз не противодействовала Гитлеру. Англия и Франция опять промолчали.

Пользуясь этим, Гитлер, покончив с Австрией, решил приняться за Чехословакию. Это была уже провокация, которая по своей наглости превосходила все предшествовавшие акты немецкой агрессии: Чехословакия была союзником Франции. Гитлер предъявил требование об уступке немцам всех областей Чехословакии, где имеется определённый процент немецкого населения. Чехословацкое правительство стало готовиться к отпору. Оно надеялось на помощь Франции и СССР. Помощь последнего по договору обуславливалась выступлением Франции. СССР был готов выполнить свои обязательства.

Однако французское правительство предало Чехословакию и обнародовало перед СССР всю свою ненадёжность в качестве союзника. Англия и Франция потребовали от Чехословакии, чтобы она уступила требованиям Гитлера. Свободолюбивый чешский народ вынужден был склониться перед силой. Чешские офицеры, имевшие французские ордена, с презрением вернули их французскому посольству. В конце сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась конференция представителей Англии, Франции, Германии и Италии. Здесь они окончательно договорились о передаче пограничных областей Чехословакии Гитлеру. От Чехословакии сохранился небольшой остаток, который Гитлер обещал Чемберлену не трогать. В лице чешской армии Англия и Франция потеряли 40 прекрасных дивизий.

Вернувшись из Мюнхена, Чемберлен напыщенно провозгласил: «Я привёз мир целому поколению». Вскоре последовала англо-германская декларация о «вечном мире» между Германией и Англией. Франция и Германия также обменялись заверениями о «дружбе».

Иной политики держался Советский Союз. Правительство СССР хорошо понимало существо политики немецкого фашизма и правильно оценивало всю опасность назревавших событий. Ещё до прихода Гитлера к власти гениальный научный анализ международного положения привёл товарища Сталина к выводу, что капиталистический мир идёт к новой войне. Под мудрым водительством великого Сталина Советский Союз стал принимать все меры для максимального повышения обороноспособности. Невиданными в истории темпами происходит индустриализация страны, усиливается Красная Армия, создаётся оборонная промышленность. Каждый патриот помнит слова товарища Сталина об итогах первой пятилетки, произнесённые им 7 января 1933 г.:

«У нас не было чёрной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.
У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьёзной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь...»

Исключительная мудрость сталинского руководства проявляется в деле создания новых промышленных центров в недоступных для врага районах нашей великой родины.

«У нас,—говорил товарищ Сталин,—была лишь одна единственная угольно-металлургическая база—на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали ещё новую угольно-металлургическую базу—на Востоке».

В итоге целого ряда мероприятий «из страны слабой и неподготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне».

Теперь, в дни Великой отечественной войны, каждому ясно, что сталинская политика индустриализации страны защитила нашу родину от немецко-фашистских захватчиков, что благодаря ей Красная Армия не имеет недостатка в современном вооружении и боеприпасах.

Советское правительство хорошо подготовило свою страну к смелому, решительному отпору.

Повышая боевую мощь Красной Армии, Советский Союз стремился организовать коллективный отпор агрессору со стороны всех свободолюбивых держав. В 1934 г. СССР вступил в Лигу наций, которая при всей своей слабости могла стать некоторым препятствием, задерживающим развитие агрессии.

Товарищ Сталин публично разоблачал истинные замыслы Гитлера и призывал правительства других держав к совместным действиям против захватнической политики гитлеровской Германии.

«Фашистские заправилы,—говорил товарищ Сталин,—раньше чем ринуться в войну, решили известным образом обработать общественное мнение, т. е. ввести его в заблуждение, обмануть его... Война против интересов Англии, Франции, США? Пустяки! «Мы» ведём войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте «антикоминтерновский пакт», заключённый между Италией, Германией и Японией.

Так думали обработать общественное мнение господ агрессоры, хотя не трудно было понять, что вся эта неуклюжая игра в маскировку шита белыми нитками, ибо смешно искать «очаги» Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии, в джунглях испанского Марокко»¹.

Советский Союз искренне стремился достигнуть договорённости с Англией, Францией и другими странами, находившимися под угрозой порабощения немецким империализмом. Товарищ Сталин предостерегал демократические государства запада о том, что «большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьёзным провалом»². И вот прошло всего несколько месяцев с тех пор, как Гитлер в Мюнхене торжественно гарантировал Чемберлену неприкосновенность остатков Чехословакии, как вдруг в марте 1939 г. германские войска перешли её границы и быстро оккупировали всю страну. Это означало полный провал Чемберлена и Даладье, его французского соратника, в неумной политике «умиротворения» фашистского зверя.

Захватив Чехословакию, Гитлер потребовал возвращения немецких колоний. На Чемберлена и Даладье, наконец, нашло сомнение в правдивости гитлеровских заверений о дружбе и неприкосновенности их стран. Страх перед немецкой агрессией побудил их начать переговоры с СССР о заключении военного соглашения. Правительство СССР с готовностью пошло на это. Но вскоре стало ясно, что у Чемберлена и Даладье нет серьёзного намерения договориться с СССР. Они, видимо, просто думали запугать Гитлера переговорами с Советским Союзом, чтобы вынудить его дать им новые «гарантии» их собственной безопасности. Когда в августе 1939 г. в Москву прибыли военные миссии Англии и Франции, то оказалось, что у них даже нет полномочий вести серьёзные переговоры с СССР.

Видя, что союза с Англией и Францией достигнуть невозможно, советское правительство приняло предложение Германии подписать пакт о ненападении. Советское правительство, конечно, знало, что таким извергам, как Гитлер и Риббентроп, верить нельзя, но оно выгадывало время на дополнительную подготовку к отражению вражеского нападения. «Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту»,—говорил 3 июля 1941 г. товарищ Сталин. Таким образом договор с Германией был заключён из-за невозможности добиться соглашения с тогдашними правительствами Англии и Франции.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 569.

² Там же, стр. 572.

1 сентября 1939 г. немецкие полчища напали на Польшу. Англия и Франция почувствовали в этом прямую для себя угрозу. Гитлер публично демонстрировал, что он больше совершенно не считается ни с Англией, ни с Францией. Новая провокация принудила, наконец, правительства Чемберлена и Даладье объявить войну Германии.

В первые же дни обнаружилось, что Польша не была подготовлена к современной войне. Немцы сосредоточили против неё около 50 дивизий. В две недели Польша была разгромлена. Польское правительство бежало. Красная Армия спасла тогда Западную Украину и Западную Белоруссию, не допустив туда немцев, и восстановила здесь национальную справедливость. Западная Украина и Белоруссия воссоединились со своими единоплеменниками в лоне Советского Союза.

Зимой 1939/40 г. немцы усовершенствовали свои вооружённые силы и активных военных операций не развёртывали. Правительства же Чемберлена и Даладье упустили этот благоприятный момент, который им предоставлялся ходом событий, и не восполнили пробелов своей военной подготовки. Они питали необоснованные надежды, что им удастся отсидеться за укреплениями линии Мажино и с помощью морской блокады добиться истощения немецких экономических ресурсов. Эта стратегия оказалась совершенно несостоятельной. Рассчитывая на линию Мажино, её даже не удосужились достроить до Ламанша. Расчёты же союзников на быстрое экономическое истощение Германии были наивными.

Новой жертвой фашистской Германии должна была стать Скандинавия. Гитлеровцы намеревались прочно обеспечить за собой шведскую железную руду и использовать норвежское побережье для ударов по Англии и по её морским коммуникациям с воздуха, а также и с моря при помощи подводных лодок.

В апреле 1940 г. немцы стремительным и внезапным ударом захватили почти безоружные Данию и Норвегию. В мае силой в 135 дивизий они обрушились на Францию, обойдя линию Мажино с севера, через Голландию и Бельгию.

Главный удар немцы нанесли через Арденны (откуда их меньше всего ожидало французское командование) в направлении к реке Маас на участок Динан, Седан; вспомогательные отвлекающие удары наносились в Голландии и на Льеж. Французский фронт был прорван. Как и в Польше, прорыв был достигнут массированным применением танков и авиации, за которыми следовали пехотные соединения, закреплявшие достигнутый успех. Немцы дошли до побережья, так что фронт союзников был разорван на две части. Одна большая группа их войск была отрезана во Фландрии. Полумиллионная бельгийская армия капитулировала. Англичанам с большим трудом удалось эвакуировать через Дюнкерк основную часть живой

силы своих и французских войск. Закончив борьбу с фландрской группировкой союзников, немцы обратились против новой оборонительной полосы, созданной французами по рекам Сомме и Эн — так называемой линии Вейгана. Они прорвали её, и французский фронт был разорван на изолированные участки. Париж был сдан немцам без сопротивления. На стороне гитлеровцев выступила Италия: её фашистские правители воображали, что война кончена и им осталось только участвовать в дележе богатой добычи. Сопротивление Франции длилось всего около месяца. Французская армия, не имея должной подготовки к борьбе в условиях современной войны, не могла дать отпор агрессору. Правительство Франции поспешило капитулировать, хотя ещё имелась возможность продолжать сопротивление. Оставался флот, с помощью которого можно было эвакуироваться в Алжир. Трудно уязвимый для немцев, он мог стать базой для продолжения борьбы против немецких захватчиков. Но новый глава правительства маршал Петэн предпочёл стать гитлеровским наместником, предав интересы Франции. Ещё никогда не переживал такого позора гордый свободолюбивый французский народ.

Казалось, что немецко-фашистские войска непобедимы. Казалось, что идея молниеносной войны получила полное оправдание. Немцы ждали, что Англия, ошеломятая их победами, капитулирует вслед за Францией.

Но они ошиблись. После катастрофы в Норвегии английский народ вынудил Чемберлена подать в отставку: его близорукая политика потерпела явное банкротство. Премьером стал Уинстон Черчилль, давно стоявший за организацию коллективного отпора агрессору и за союз с СССР. Англия решила продолжать борьбу. Она потеряла во Франции значительную часть своей, в ту пору ещё небольшой, армии. Но она надеялась на мощный английский флот, на свои огромные потенциальные ресурсы, на мужество и выдержку своего народа. Расчёт оправдался: немцы не смогли преодолеть узкое водное пространство Ла-Манша. Их попытки сломить сопротивление Англии варварскими бомбёжками городов не достигли цели.

В отношении Англии идея молниеносной войны провалилась. Война затягивалась. Правительство Черчилля приступило к энергичной работе по созданию сильной армии, и ему при помощи США удалось это сделать.

Гитлер же, подчинив себе правительства Румынии и Болгарии, весной 1941 г. обрушился на Югославию и Грецию. Разгромив эти маленькие страны, он захватил весь Балканский полуостров.

VIII

ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ В ВОЙНЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Бывший ефрейтор был опьянён успехами. Гитлеровская пропаганда неистовствовала по поводу немецких побед. Шёл дикий грабёж всех побеждённых народов. Волна шовинистического зазнайства достигла высших пределов. Фрицы уверовали в свою непобедимость. Пьяные от крови, жадные до грабежа, гитлеровцы пошли на новое страшное преступление. Они решили внезапно, вероломно напасть на СССР. Гитлер видел, что на континенте Европы СССР—последнее препятствие для фашистской агрессии. Его манили огромные богатства нашей родины. Захватив их, Гитлер рассчитывал приобрести недостававшие ему средства для сокрушения Англии и Америки и достигнуть мирового господства.

Над нашей родиной нависла страшная опасность. Германская армия располагала огромными ресурсами—не только своими собственными, но и захваченных ею стран. Почти вся Европа, кроме Англии, была в её власти. Германия захватила запасы вооружения в Чехословакии, Франции, Бельгии. Заводы этих стран были захвачены гитлеровцами и наряду с немецкими снабжали Германию танками и самолётами. Неудивительно, что немцы в 1941 г. имели преимущество в танках и отчасти в самолётах. К этому надо добавить, что Германия к моменту нападения на СССР имела почти двухлетний опыт войны. Она имела полностью отмобилизованную армию и заранее придвинула её к нашим границам.

Силы Германии не были скованы каким-либо другим фронтом, и она смогла почти все их бросить против СССР. На нашу страну обрушилось 170 дивизий, в том числе огромное количество бронетанковых частей. В 1914 г. Англия, Франция и Россия с большим напряжением сил совместно на двух главных и нескольких второстепенных фронтах вместе сдерживали германский натиск. Летом же 1941 г. Красная Армия сражалась одна. Второго фронта против немцев в Европе не было.

Всё это вместе взятое дало немцам возможность летом 1941 г. временно захватить у Советского Союза значительные территории и одержать серьёзные тактические успехи.

Вскоре, однако, немецким захватчикам пришлось убедиться, что перед ними совсем иной противник, чем тот, которого они привыкли встречать в Западной Европе. На полях сражения с Советским Союзом их «непобедимости» пришёл конец. Красная Армия и в обороне наносила немцам мощные удары и истощала их силы. При попытке немцев осенью 1941 г. захватить Москву Красная Армия

нанесла им тяжёлое поражение. Одновременно немцы были разбиты под Ростовом и Тихвином.

К лету 1942 г. гитлеровцы собрали сильный ударный кулак и, не решаясь уже наступать по всему фронту, начали наступление на юго-западном направлении. Немцы стремились обойти Москву с юго-востока, взять её и на этом кончить войну. В качестве добавочной задачи они выдвигали овладение кавказской нефтью. Однако захватчики были остановлены под Воронежем, Сталинградом и Моздоком. А затем Красная Армия под водительством Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина разгромила немцев под Сталинградом. До сих пор в истории военного искусства два сражения служили классическими примерами операции на окружение и уничтожение противника: Канны и Седан. Сталинград превзошёл эти образцы. Сталинское верховное командование дало невиданный шедевр военного искусства. За окружением немцев под Сталинградом последовали удары Красной Армии по немецким войскам на среднем Дону и в районе Воронежа. В результате зимнего наступления Красной Армии от немецких захватчиков была очищена огромная территория и их армии были нанесены невозместимые потери. «После этого Красная Армия уже не выпускала больше инициативы из своих рук» (Сталин).

Истекший год явился переломным годом Отечественной войны. «Этот год был переломным прежде всего потому, что в этом году Красной Армии впервые за время войны удалось осуществить большое летнее наступление против немецких войск, причём немецко-фашистские войска под ударами наших войск оказались вынужденными поспешно оставлять захваченную ими территорию, нередко спасаться бегством от окружения и бросать на поле боя большое количество техники, складов вооружения и боеприпасов, раненых солдат и офицеров»¹. Летом 1943 г. немцы попытались было начать большое наступление на Орловско-Курском и Белгородско-Курском направлениях. Но оно потерпело полную неудачу. Красная Армия, сорвав наступление немцев, перешла в наступление и овладела Орлом, Белгородом, Харьковом, Таганрогом, Смоленском, Киевом и другими городами и продолжает наносить мощные удары немецким захватчикам.

Гитлеровский империализм идёт навстречу своей гибели. Разгром немецких империалистов и их армии неминуем. Залогом тому являются сила Красной Армии и высокое военное искусство её командования. Советский Союз принял на себя удар всей германской военной мощи. Нужно только вспомнить, с каким трудом в

¹ И. Сталин, 26-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, стр. 6—7.

первой мировой войне сначала три, а потом четыре великие державы, в течение четырёх лет борясь на нескольких фронтах, выдерживали удары германской армии! Наша Родина встретила её натиск на фронте одна. И не только устояла, но и нанесла противнику такие поражения, от которых нельзя оправиться.

Залогом поражения гитлеровской Германии является также непрочность её тыла. В порабождённых немцами странах кипит ненависть против захватчиков. Движение против них обостряется с каждым днём.

Немецкие фашисты заявляют, что цель войны для них состоит в установлении «нового порядка» в Европе. Но это является лишь маскировкой попытки гитлеровской Германии добиться мирового господства. «Новый порядок», как его можно наблюдать во всех оккупированных странах, означает не что иное, как прямое присоединение их к Германии или же превращение в жалкие вассальные государства той же Германии. Местное население и в том и в другом случае превращается в рабов немецких капиталистов и помещиков. Промышленное развитие порабождённых стран всецело подчиняется интересам германского империализма. Запасы сырья, продовольствия и топлива вывозятся в Германию. Во Франции, Бельгии, Чехословакии работают сейчас только те предприятия, которые обслуживают нужды Германии, главным образом военные заводы. Остальная промышленность свёртывается без всякого учёта потребностей населения. Рабочая сила в принудительном порядке отправляется на каторжные работы в Германию. У крестьян отбирают землю и отдают её гитлеровским головорезам. Во временно оккупированных районах Советского Союза целые колхозы передаются отдельным гитлеровцам в качестве их поместий, а крестьяне превращаются в их рабов. Интеллигенция и национальная культура искореняются. Всё это дополняется прямым грабёжом домашнего имущества населения: от дамских чулок и детских пелёнок до шуб, ковров и драгоценностей.

Грабительскую политику немцев рисует известная инструкция Геринга по организации хозяйства во временно оккупированных областях. Вот две выдержки из этого бандитского документа: «Колхозная земля переходит в собственность германской армии», «Крестьян следует поучать, что колхозная система как большевистская отменяется. Однако на земле бывших колхозов будет вестись крупное хозяйство. Каждый крестьянин обязан работать на общем дворе». На кого именно он должен работать? Ответ даётся тут же: «Хозяйственные блага в городе и в деревне (фабрики, мастерские, крестьянские дворы и колхозные хозяйства, семенной фонд и поголовье скота, запасы зерна и жилые строения всех видов) полностью служат германскому военному хозяйству».

Истребление населения—это система, методически осуществляемая окупантами. «В современной войне гитлеровская Германия поставила перед собой более широкие и агрессивные цели, чем те, которые пыталась осуществить кайзеровская Германия. Если в прошлую войну германский империализм стремился захватить и подчинить себе чужие территории, ставил своей задачей занять ряд выгодных позиций на мировом рынке, то гитлеровская Германия наряду с этим ставит перед собой задачу физического истребления целых народов, уничтожения их государственности, их национальной культуры»¹.

Залогом немецкого поражения является и наличие коалиции свободолюбивых народов и прежде всего англо-советско-американского союза.

Соотношение сил за время войны резко изменилось в нашу пользу и в пользу наших союзников. «Результаты и последствия побед Красной Армии далеко вышли за пределы советско-германского фронта, изменили всё дальнейшее течение мировой войны»². Отношения между союзниками окрепли и упрочились.

После вступления в войну Италии германо-итальянские силы в Ливии предпринимали несколько попыток захватить Египет. Все эти попытки были отражены англичанами. Осенью 1942 г. они нанесли противнику решающее поражение под Эль-Аламейном, очистили от фашистских захватчиков всю территорию Египта, Киренаики и Триполитании. В ноябре последовала высадка англо-американских войск в Северо-Западной Африке. Весной 1943 г. был ликвидирован последний оплот держав оси в Африке—их плацдарм в Тунисе. Затем последовала высадка союзников в Сицилии и овладение этим островом, причём деморализованная итальянская армия оказывала ничтожное сопротивление. Первый вассал Гитлера—Муссолини вынужден был уйти в отставку. Италия порвала с гитлеровским блоком и объявила войну Германии. Другие сообщники Гитлера «смотрят в кусты».

«В этом году удары Красной Армии по немецко-фашистским войскам были поддержаны боевыми действиями наших союзников в Северной Африке, в бассейне Средиземного моря и в Южной Италии. Вместе с тем союзники подвергали и продолжают подвергать основательной бомбардировке важные промышленные центры Германии и тем самым значительно ослабляют военную мощь врага. Если ко всему этому добавить тот факт, что союзники регулярно

¹ М. И. Калинин, Война отечественная и война тотальная. «Красная звезда» от 28 марта 1943 г.

² И. Сталин, 26-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, стр. 19.

снабжают нас разным вооружением и сырьём, то можно сказать без преувеличения, что всем этим они значительно облегчили успехи нашей летней кампании. Конечно, нынешние действия союзных армий на юге Европы не могут ещё рассматриваться как второй фронт. Но это всё же нечто вроде второго фронта. По-видимому, что открытие настоящего второго фронта в Европе, которое не за горами, значительно ускорит победу над гитлеровской Германией и ещё более укрепит боевое содружество Союзных государств»¹.

Вооружённые силы англо-советско-американской коалиции значительно превосходят силы Германии и её союзников. Задача объединённых наций—использовать благоприятную обстановку для создания второго фронта на континенте Европы для скорейшего разгрома врага.

Германский империализм, особенно после поражения под Сталинградом, начал было предпринимать «мирные» манёвры, подобно тому как он это делал во время первой мировой войны. Гитлеровцы заговорили о мире, когда силы их начали иссякать. Но все попытки германского фашизма внести раскол в ряды англо-советско-американской коалиции потерпели полный провал.

Сейчас германский фашизм уже не мечтает о «молниеносной» войне. Наоборот. Его стратегия изменилась. Он ставит ставку на затяжку войны. Быстрота сокрушения врага зависит от открытия второго фронта нашими союзниками. Победы Красной Армии создали им наилучшую обстановку для выполнения этой задачи. «Гитлеровская Германия и ее вассалы стоят накануне своей катастрофы...» «Победа теперь близка, но, чтобы её завоевать, необходимо новое напряжение сил...» «Нельзя давать врагу передышки»².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развязанная гитлеровским империализмом война—это венец преступлений германского империализма, наиболее агрессивным проявлением которого является гитлеризм.

Как же ответить на вопрос, поставленный вначале,—почему именно от правящих кругов Германии исходило и исходит столько страшных бедствий, поражающих человечество?

Объясняется это тем, что в Германии у кормила правления на протяжении веков с короткими перерывами оказывались наиболее реакционные элементы господствующих классов. Это было вызвано

¹ И. Сталин, 26-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, стр. 19—20.

² Там же, стр. 22, 24.

совпадением целого ряда исторических обстоятельств, сложным переплетением причин и следствий. На исходе средних веков перемещение торговых путей вызвало отставание экономического развития Германии по сравнению с передовыми странами Западной Европы и привело к задержке национального объединения. Не оказалось в Германии и такого стимула к созданию единого государства, как нашествие внешних врагов, борьба против которых спаяла единство Руси. В мелочных династических склоках карликовых немецких государств постепенно окрепла Пруссия. Она выросла как династическое государственное образование, глубоко антинародное, выросла путём захватов и держалась на штыках. Её возвышение не отвечало никаким национальным потребностям. Это государство основывалось исключительно на юнкерских и династических интересах. Возвышение Пруссии и было тем фактором, который привёл к чрезвычайному укреплению реакции в Германии. В силу запоздалого экономического развития буржуазная революция разразилась в Германии позже, чем в Англии или во Франции. В то время немецкая буржуазия уже могла наблюдать классовую борьбу пролетариата, отчасти у себя дома, особенно же в более развитых странах Запада. И немецкая буржуазия боялась молодого рабочего класса больше, чем феодальной реакции и королевского абсолютизма. Немецкая буржуазная революция произошла в такой период, когда буржуазия уже перестала быть революционной силой, — в этом её отличие от Великой французской буржуазной революции конца XVIII века. Немецкая буржуазная революция произошла, с другой стороны, в эпоху, когда пролетариат был ещё слишком молод, малочислен и неорганизован. В этом одно из главных её отличий от русской революции 1905 г. и февральской революции 1917 г. В результате революция 1848 г. потерпела в Германии поражение. Монархия и дворянство сохранили свои позиции.

Исход революции 1848 г. в свою очередь оказал влияние на результат борьбы за национальное объединение Германии: оно совершилось не снизу, не в форме демократической республики, а сверху, под гегемонией реакционной Пруссии.

Переход немецкого капитализма в империалистическую фазу развития происходил в обстановке реакционной Германской империи и в условиях запоздалого выхода немецкого капитализма на арену борьбы за раздел мира. В итоге империализм принял в Германии особенно реакционные и агрессивные формы. В 1914 г. германский империализм в первый раз попытался завоевать мировую гегемонию, форсируя развязывание первой мировой войны. Он заплатил за это страшную катастрофой 1918 г. Но оправившись, он принялся за подготовку реванша, установив для этой цели режим террористической фашистской диктатуры.

Длительный ход германской истории привёл к появлению столь уродливого явления, как гитлеризм. Немецкий фашизм несёт голод, грабёж, насилия и смерть для всех, кто попал в его лапы. Он должен быть уничтожен. Никакого снисхождения к гнусному и жестокому врагу! «Истребить немецких оккупантов до последнего человека, поскольку они не будут сдаваться в плен»¹.

¹ И. Сталин, О Великой отечественной войне Советского Союза, изд. 3-е, стр. 53.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр</i>
I. Прусские предки	1
II. Германская империя	9
III. Германский империализм и его особенности	13
IV. Первая мировая война	19
V. Германская республика	30
VI. Германский фашизм	32
VII. Вторая мировая война	39
VIII. Германский фашизм в войне против Советского Союза . . .	49
Заключение	53

Редактор *В. Игнатъева*

Подписано в печать 26 ноября 1943 г. А 4509. Объем 3 $\frac{1}{2}$ п. л. Тираж 30 тыс.
Заказ № 1381. Цена 75 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.